

Слева направо: Дмитрий Пожарский, царь Михаил Федорович и Кузьма Минин. Фрагмент памятника «Тысячелетие России» Михаила Микешина и Ивана Шредера в Новгороде. 1862 год

Иван Сусанин

Иван Сусанин (последняя треть XVI века – 1613) – русский национальный герой, крестьянин из села Домнина (примерно в 70 верстах к северу от Костромы).

400
лет

Иван Сусанин – одно из самых известных имен русской истории. То, как это имя становилось почитаемым на протяжении столетий, какую идеологическую нагрузку оно несло при самых разных, в том числе и взаимоисключающих, политических режимах, является собой поучительный пример того, как прошлое может служить дню сегодняшнему.

Подвиг Ивана Сусанина не является строго документированным историческим событием. О самом Иване Сусанине достоверно мало что известно. Основной документ, описывающий подвиг, – это жалован-

ная грамота царя Михаила Романова, выданная 30 ноября 1619 года, то есть спустя шесть лет после события. Грамота выдана зятю Ивана Сусанина – «Богдашке Собинину за службу к нам и за кровь, и за терпение тестя его Ивана Сусанина: как мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, в прошлом 121 (7121 году от сотворения мира, или 1613 году от Рождества Христова. – С.Б.) году были на Костроме, и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, а тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина в те поры литовские люди изымали и его пытали великими, немерными пытками и пытали у него, где в те поры мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, были, и он, Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, а польские и литовские люди замучили его до смерти». С этого события и началась известность Ивана Сусанина за пределами своей семьи и деревни, а спустя еще полтора столетия пошли создание и разрушение легенд о нем.

Реконструкция наиболее вероятного хода событий, ставших подвигом Ивана Сусанина, может выглядеть следующим образом. Родители будущего царя – Федор Никитич Романов и Ксения Ивановна, урожденная Шестова – подверглись опале при Борисе Годунове и были насильно в 1600 году пострижены в монахи под именами Филарет и Марфа. В период Смуты Филарет, оставаясь монахом, принимал активное участие в политической жизни. При Лжедмитрии I он был как его якобы родственник назначен митрополитом Ростовским, при Лжедмитрии II стал «нареченным патриархом», вел борьбу с Василием Шуйским, стал активным сторонником «семибоярщины», участвовал в переговорах с польским королем Сигизмундом III, однако, отказавшись подписать вариант договора, предложенный польской стороной, был ими в 1611 году пленен и оставался под стражей до 1619 года.

В это время малолетний Михаил находился с матерью – инокиней Марфой – то в своей вотчине в Клину, то в Москве. А уже после освобождения Москвы от поляков Мининым и Пожарским в 1612 году они удалились в свои костромские

Парсуна с изображением Михаила Федоровича. XVII век

владения, находясь некоторое время в селе Домнине, где и проживал Иван Сусанин, бывший, по некоторым данным, вотчинным старостой, лицом, управлявшим владением от имени Романовых. Этим объясняется возможный интерес поляков именно к Сусанину, поскольку староста должен был знать, куда направились его господа и где они находятся. Михаил и Марфа, недолго побыв в ноябре 1612 года в Домнине, отправились в Макариев монастырь на Унже, а потом в Кострому, в Ипатьевский монастырь. Мотивы, по которым «польские и литовские люди» искали Михаила Романова, могут быть связаны как с желанием пресечь его возможное восшествие на престол, на чем настаивает официальная версия, так и с менее значительным поводом: взять в плен сына и жену Филарета, продолжавшего играть большую роль в политике, для его шантажа. Иван Сусанин мог понимать возможные политические мотивы поиска Михаила, а мог и просто защищать своего юного шестнадцатилетнего барина как вотчинный управляющий. Причем защищать не от непосредственной опасности – Михаил и Марфа находились не в Домнине, а достаточно далеко, скорее всего, уже в Костроме, но в связи с желанием предупредить возможную опасность, выиграть время.

А. Левитин. Осип Петров – первый исполнитель роли Ивана Сусанина в опере Михаила Глинки «Жизнь за царя». 1855 год

По всей видимости, Иван Сусанин повел поляков из Домнина в село Исупово напрямую через Исуповское – теперь чаще называемое Сусанинским – болото, послав своего зятя к Романовым предупредить, что их ищут. Поляки, придя с ним в Исупово, заподозрили подвох, начали пытаться Сусанина и, в конце концов, изрубили его там же на глазах у всего села. Происходило это, скорее всего, поздней осенью 1612 года, а вовсе не той глубокой и снежной зимой (1613 года), которую описывают и изображают в художественных произведениях: зимой и весной все эти леса и болота абсолютно непроходимы.

В марте 1613 года Михаил Романов был избран, а в июне венчан на царство. Было ли известно Романовым о подвиге Сусанина по горячим следам или же они узнали об этом лишь шесть лет спустя – неизвестно. Вполне возможно, что тему подвига Ивана Сусанина было невыгодно поднимать до момента освобождения Филарета из польского плена в 1619 году: сразу после этого и появилась упомянутая «грамота».

В 1767 году Екатерина II посетила Кострому, путешествуя по Волге на галере «Тверь». 15 мая на шлюпке императрица была доставлена к пристани Ипатьевского монастыря, где была

встречена делегацией местного дворянства и епископом Костромским и Галичским Дамаскином (Аскаронским), который и произнес слова о подвиге: «Блаженные памяти предок вашего императорского величества, Михаил Феодорович, от литовских и польских людей искомый <...> крестьянином Иваном Сусаниным утаен бысть». Начиная с этого времени о Сусанине стали писать и говорить все чаще и чаще. Среди авторов следует указать Н.С. Сумарокова, М.И. Хераскова, А. Щекатова – составителя «Словаря географического Российского государства», в котором помещен рассказ о подвиге Сусанина, наконец, С.Н. Глинку, опубликовавшего в 1812 году рассказ об Иване Сусанине, послуживший толчком для последующих художественных образов в музыке, живописи и литературе.

Интерес к Ивану Сусанину в конце XVIII века подогревался политическими событиями. Последняя четверть века наполнилась тремя разделами Польши, подавлением многочисленных польских восстаний. В связи с этим напоминание о польско-литовской интервенции XVII века и грозившей тогда Русскому государству опасности было необходимой исторической и идеологической опорой и в какой-то мере оправданием современной политики. А подвиг Ивана Сусанина давал образец подлинного патриотизма и преданности. Именно в этом качестве образ Ивана Сусанина формировался на протяжении двухсот последующих лет.

Беспрецедентное место в истории прославления подвига Ивана Сусанина занимает гениальная опера М.И. Глинки «Иван Сусанин» – именно так ее называл автор. Названия «Смерть за царя» и «Жизнь за царя» были предложены одним из министров двора уже во время репетиций весной 1836 года. Композитор сопротивлялся, но, в конце концов, согласился на «Жизнь», но не на «Смерть». Интересно, что в то время уже существовала и двадцать лет шла в петербургском Большом театре опера «Иван Сусанин», написанная дирижером и композитором Катерино Кавосом. Некоторое время после премьеры оперы Глинки в театре попеременно шли обе, причем Кавос дирижировал и той и другой.

Именно опера Глинки стала основным «информационным источником», на основании которого подавляющее большинство знает об Иване

Сусанине и его подвиге. О том, что драматургия оперы, да и официальная версия не вполне соответствуют исторической реконструкции вероятных событий, писали многие. Особенно яростным критиком легенды об Иване Сусанине выступал историк Н.И. Костомаров, издевательски анализирувавший разного рода несоответствия и домыслы официальной версии событий. Впрочем, версия Костомарова была ничуть не более обоснованной и достоверной, поскольку достоверных источников не существовало. Однако политическое, воспитательное значение и самой легенды, и оперы было – и остается до сих пор – столь значительным по своему воздействию, что все «поиски исторической правды» никому, в сущности, не нужны.

После революций 1917 года опера с таким названием идти не могла и не шла. Спустя годы возник замысел корректировки либретто. Причем простой перемены названия и возвращения исходного «Ивана Сусанина» было недостаточно. Была предпринята попытка изменить и само существо сюжета: Иван Сусанин совершает свой подвиг не ради спасения царя Михаила Романова, а ради спасения «гражданина Минина». Известный поэт С. Городецкий, которому было поручено написать новое либретто, весьма остроумно и квалифицированно заменил царя на гражданина во всех исторических эпизодах: Минин представлял реальную угрозу полякам, собирая против них ополчение, именно Минина надо было полякам уничтожить и т.д. Так что сюжет Городецкого не слишком сильно противоречил историческим событиям, создавая при этом «уточненный» образ русского патриота, гибнущего не «за царя», а «за Отечество». Впоследствии, однако, особенно в период сталинского «ренессанса» русской истории в конце тридцатых годов, классическое либретто было возвращено на сцену, и долгие годы опера шла под названием «Иван Сусанин». В разгар перестройки – в 1988 году – в Большом театре был возобновлен первоначальный вариант оперы безо всяких цензурных поправок, и почти десять лет опера стояла в репертуаре театра под названием «Жизнь за царя», а в новой постановке 1997 года ей снова было возвращено название «Иван Сусанин».

Память об Иване Сусанине увековечена и в памятниках. Первый бюст был установлен, разу-

меется, в Костроме еще в 1851 году, венчая собой ансамбль Сусанинской площади вплоть до 1918 года. Украшавшая памятник надпись: «Ивану Сусанину, за царя – спасителя веры и царства – живот свой положившему. Благодарное потомство», – не смогла пережить революцию, и памятник был снесен наряду с другими памятниками «царям и их прислужникам». В 1967 году на той же площади был установлен величественный памятник «тому же лицу и по тому же поводу», но по другим мотивам: не как «царскому прислужнику», а как народному герою, о чем свидетельствует и надпись: «Ивану Сусанину – патриоту Земли Русской». Иван Сусанин был также включен и в галерею персонажей памятника «Тысячелетие России» в Новгороде в 1862 году, и в ансамбль памятника к 300-летию дома Романовых в Костроме, который до революции так и не был завершен и от которого ныне остался лишь постамент, занятый крайне неудачной – и в художественном отношении, и по выбору места – скульптурой В.И. Ленина.

Использование образа и легенды об Иване Сусанине успешно используется для патриотического воспитания вот уже третье столетие, переживая при этом «колебания» и «борьбу школ»: одни считали, что Иван Сусанин отдал жизнь «за царя», другие – «за Родину». Доминирующей идеологии в наши дни не особо интересен ни тот ни другой вариант. Вот если бы можно было подать подвиг Ивана Сусанина как борьбу «за права человека и либеральные ценности»... Но пока это никому не удалось. Поэтому при случае можно лишь лягнуть Сусанина и русский народ «за холопство и рабскую покорность».

Вспоминая сегодня 400-летие подвига Ивана Сусанина, постараемся избежать политических крайностей и пропагандистского рвения, а просто отдадим благодарственную дань памяти обо всех людях Земли Русской, любивших ее и готовых трудиться и воевать ради ее блага.

При подготовке очерка использовалось весьма обстоятельное исследование современного костромского исследователя-краеведа Н.А. Зонтикова «Иван Сусанин: легенды и действительность» (Кострома, 1997).

Сергей Белкин

Карен Араевич Свасьян –

доктор философских наук, с 1993 года живёт в Швейцарии, где занимается лекторской и издательской деятельностью при Forum für Geisteswissenschaft Zürich, автор многочисленных книг на русском и немецком языках

Habemus Papam

1

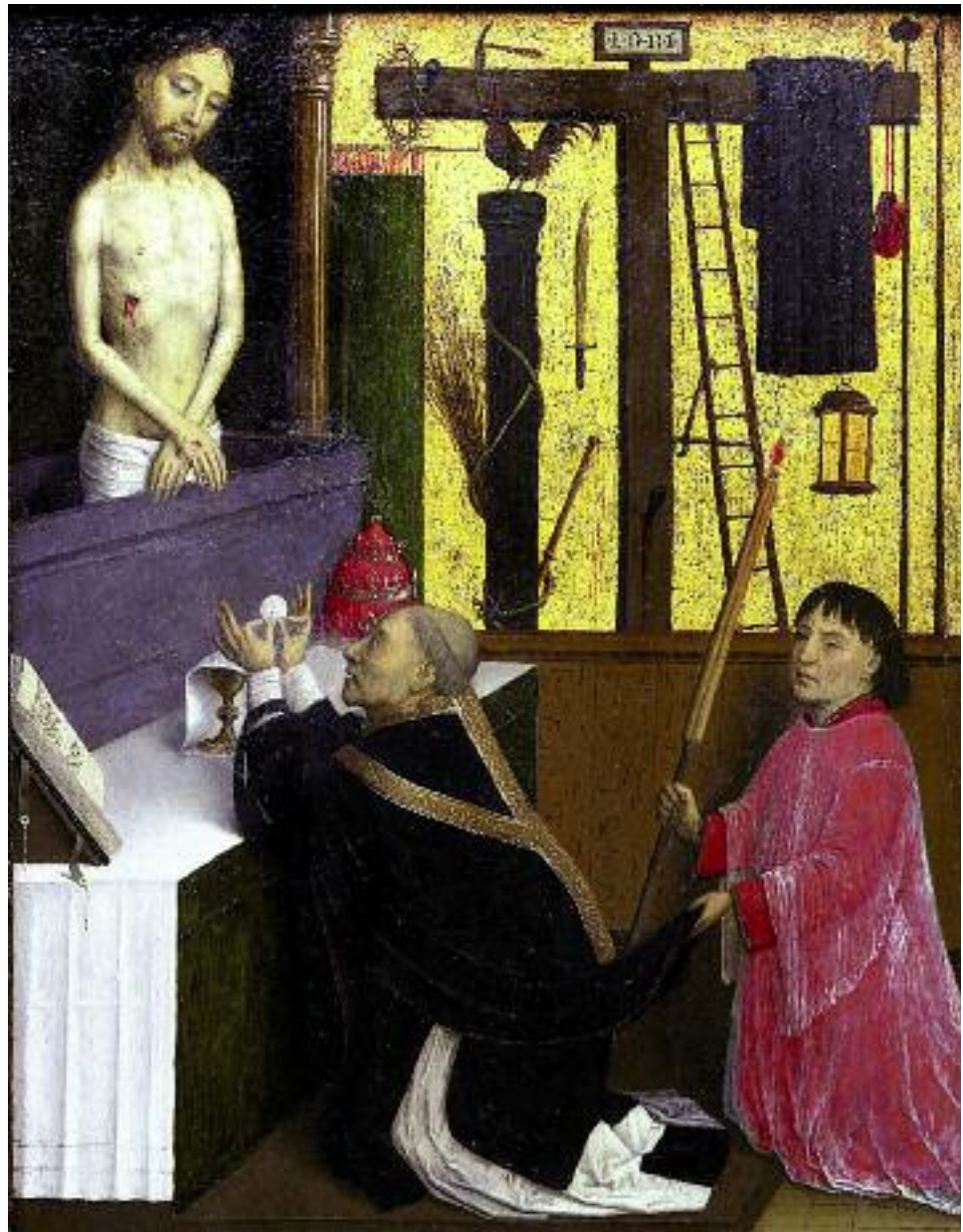
Наверное, начать надо будет с уяснения сути религиозного – лучше всего на примере христианства. Посыл предельно прост и ясен: это вера, *sola fide*, с которой начинается, на которой держится и без которой кончается всякая религия. Но вера – это один (субъективный) полюс религиозного, другой (объективный) полюс которого – Откровение. По модели известной феноменологической формулы: вера есть всегда вера во *что-то*. «Что-то» веры называется Бог, а способ, которым Бог себя обнаруживает, – Откровение. Само по себе Откровение не есть религия. Это мистерия, событие, если угодно, некий факт трансцендентной значимости, который как *факт* должен, а как *трансцендентный* не может быть воспринятым. Таким образом, вера оказывается верой в невоспринимаемый факт. Бога, по словам самого Бога, нельзя увидеть, не умерев. Понятно, что для устранения этого противоречия и соотнесения обоих полюсов – фактического незримого Бога и веры в Бога – требуется некое посредничество, своего рода *tertium comparationis*, переносящий факт из транс-

цендентного в земное. Посредником выступает Церковь, опирающаяся на традицию в лице немногих отцов (*patres ecclesiae*). Церковь и осуществляет перенос факта Откровения из онтологического в филологическое, из события – в рассказ о событии, после чего Слово как Сущее уступает место Сущему как слову – в зыбких поначалу, но неотвратимых перспективах будущего номинализма. Рассказ о событии (Писание и уже вся совокупность священнослужения) лишь усугубляет невоспринимаемость *факта* его непонятностью: образами, символами и загадками, в которые обычный человеческий рассудок упирается рогами непонимания. Богослов объясняет: непонимание здесь не дефект, а естественное состояние. *Потому что понять умом это нельзя*. В это можно только верить сердцем. Причем так, что чем непонятнее уму, тем доступнее сердцу. Там, где высокомерный ум застревает в себе, как в тупике, вера сдвигает горы и делает блаженным.

2

Понятно, что в этом раскладе составляющих – Откровение–Церковь–

вера — решающая роль принадлежит посреднику. Между «Богом на небе и тобою на земле» (формула Карла Барта) вклинивается богослов как своего рода *управделами*, или *опекун*, или *поверенный*, скорее всего, и то, и другое, и третье, а по сути, *всё*. Он и есть активная креативная сторона, устанавливающая правила религиозного поведения, причем, что особенно интересно, для обеих сторон. Потому что прежде чем верить, надо же знать во что, а чтобы знать во что, надо же прежде определиться с самим «что». История первых веков христианства демонстрирует в этом отношении подлинный шедевр политического креационизма, не только выдерживающий любые сравнения с собственно политической (мирской) историей, но и — в ряде существенных случаев — задающий ей тон. Нужно подумать о том, среди какого количества самых пестрых и противоречивых верований, суеверий, сект формировался будущий катехизис, догматика вообще и каких нечеловеческих усилий стоило противопоставить этим центробежным духосмесительным практикам единый столп веры. Еще раз: правильная вера — это когда верят в правильного Бога, а правильный Бог — это тот, существование и поведение которого регламентировано богословским протоколом: сначала в спорах с чужими, а потом и между собой. Неслучайно, что история христианства с самых ранних времен протекает в линии непрекращающихся войн и погромов, где по одну сторону находятся «свои», а по другую — еретики, или иначе мыслящие — «диссиденты» (см.: 1 Кор. 11: 19). Параллельно: где по обе стороны находятся «свои»: правильные «свои» и неправильные «свои». Разумеется, о том, как функционирует механизм, не при-

Симон Мармион. Месса святого Григория. Около 1460–1465 годов

Иоганнес Баптист Катчталер:

«Католический священник может не только явить Христа на алтаре <...> он может даже принести Его, вочеловеченного Сына Божьего, в бескровную жертву живым и мертвым. Христос, единорожденный Сын Бога-Отца, который сотворил небо и землю и на котором держится вселенная, покоряется здесь воле католического священника».

нято говорить, не принято даже догадываться. Всё выглядит так, как и должно выглядеть: наверху Бог, внизу «мы», а посередине Церковь как своего рода коммутатор (*religio*). Тем любопытнее оказываются редкие свидетельства вроде следующей проговорок из пастырского послания зальцбургского архиепископа Иоганнеса Баптиста Катчталера от 2 февраля 1905 года. Здесь чествуются (католиче-

ские) священники, оказывающиеся более могущественными, чем Бог: «Воздайте честь священникам, ибо они обладают властью освящать дары. — Силу освящения и рукоположения, эту чудесную власть, имеет католический священник, и только он, а не протестантские пасторы. — Власть освящать дары, являть Тело Господне с драгоценной Кровью во всей полноте Его святой человечности и Его

Божественности в виде хлеба и вина; превращать хлеб и вино в истинное Тело и драгоценную Кровь Господа нашего, какая высокая, возвышенная, чудесная власть! Где, ради всего святого, есть еще власть, подобная власти католического священника? У ангелов? У Матери Божьей? <...> Католический священник может не только явить Христа на алтаре, запереть Его в дарохранительнице, снова извлечь Его оттуда и протянуть верующим для вкушения, он может даже принести Его, вочеловеченного Сына Божьего, в бескровную жертву живым и мертвым. Христос, единорожденный Сын Бога-Отца, который сотворил небо и землю и на котором держится вселенная, *покоряется здесь воле католического священника* (курсив мой. — К.С.).»

3

Парадокс религии, её бомба замедленного действия — альтернативность веры и знания. Тертуллиан во втором веке провел водораздел в формуле «Афины или Иерусалим»: «Итак, что общего между Афинами и Иерусалимом, между Академией и Церковью, между еретиками и христианами? Наше учение происходит из притвора Соломонова, который и сам учил, что Господа надлежит искать в простоте сердца своего. Что из того, если вам вздумается выдумывать стоическое, или платоническое, или диалектическое христианство! Нам же после Христа Иисуса, после того как нам возвещено Евангелие, нет никакой надобности учить что-либо или исследовать. Если мы верим, то мы не желаем ничего, что было бы больше веры». Эффективность этой установки, за редкими исключениями, засвидетельствована всей ранней историей христианства — от поджога библиотек до изгнания фи-

лософов. Когда потом спустя века изгнанное знание начнет возвращаться в христианскую Европу, оно уже будет нести на себе логотип не столько Афин, сколько Багдада, а его глубоко антихристианский характер окажется лишь свидетельством того, что маятник качнулся в другую сторону и что абсолютизация одной крайности не могла не спровоцировать абсолютизацию другой. В формуле «Верую, ибо абсурдно» центр тяжести лежит в причинном «ибо», соединяющем «веру» и «абсурд». Откровение оттого и абсурдно, что на него посягают силами мышления, полагая, что могут понять и объяснить непонятное и необъяснимое. Совсем другое, когда в непонятное и необъяснимое верят, и верят тем сильнее, чем нелепее оно являет себя в оптике знания. Знание — соблазн, грех и гордыня: извечный исследовательский грант Люцифера, получив который стипендиат рассчитывает познать Бога, а познав его, стать им (по апофтегме Мейстера Экхарта: «Бог и я суть одно в познании»). Дьявол искушает вопросами, на которые у веры нет ответов и от которых она обороняется запретами, отлучениями и кострами. Впрочем, при случае и оплеухами — в романе «Братья Карамазовы»: «Как-то однажды, всего только на втором или на третьем уроке, мальчик вдруг усмехнулся. “Чего ты?” — спросил Григорий, грозно выглядывая на него из-под очков. “Ничего-с. Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?” Григорий остолбенел. Мальчик насмешливо глядел на учителя. Даже было во взгляде его что-то высокомерное. Григорий не выдержал. “А вот откуда!” — крикнул он и неистово ударил ученика по щеке. Мальчик вынес

пощечину, не возразив ни слова, но забился опять в угол на несколько дней». На несколько веков. Когда он потом вышел из угла, уже не как мальчик, а как ученый муж, он сам стал загонять в угол вчерашнего насильника, даже не подозревая о том, насколько прилежно он усвоил повадки и замашки последнего.

4

Хотя Римско-католической церкви и удалось удержать натиск Реформации, а большей частью даже и отбить его, это не могло уже иметь никакого значения на общем фоне вытеснения религиозной парадигмы иными парадигмами — политической, гражданской, научной. В борьбе против Лютера (в широком смысле — против германства как такового), от Тридентского собора до Тридцатилетней войны, религиозному фактору была отведена роль фигового листка, тщетно прикрывающего прагматические одержимости. По существу, Реформация разыгралась в плену той же ложной оптики, что и итальянский Ренессанс — рождение нового оба раза было принято за возрождение бывшего: христианского бывшего и античного бывшего. Лютеру, потрясенному масштабами разложения Церкви, казалось, что он её возрождает, тогда как в действительности он её уничтожал: вопреки Ницше, в пароксизме страсти ругавшему его за то, что он её спас. Можно было как угодно нападать на протестантизм и искоренять его всеми возможными и невозможными средствами. Решающим оставалось то, что, борясь с ним и даже побеждая его, не замечали, что находятся в его же силовом поле и действуют в рамках им же заданной секуляризации. Только уже не по течению, а против течения, и значит, оборо-

няясь от повального обмирщения и пытаясь спасти хоть какие-то реликты сакрального среди сплошных санационных работ и строительных лесов расколдовываемого мира. Лютер очищал Церковь от «сатирикона» и «декамерона», открывая, сам того не желая, дверь совсем иным реалиям. Прежнее религиозное призвание (*vocatio*, *Berufung*) стало после Лютера профессиональным призванием (*Beruf*) на основе знания. И уже в скором времени выяснилось, что если с теми, прежними (семью или больше), грехами можно было еще — пусть позорно, пусть провально, — но жить, то от этого не было уже никакого спасения. Знание, перенесенное в мир веры, разедало веру как ржавчина, и тут не помогли даже нечеловеческие усилия иезуитов, пытавшихся уже с начала XVII века перехватить инициативу, чтобы лишить дьявольских немцев монополии на знание. Между тем дьявольщина была в другом. Знание, вторгаясь в мир веры, обнаруживало себя как неадекватное и агностичное. Чего оно хотело, так это быть опытным знанием, но если опыта его вполне хватало еще на наблюдение и объяснение свободно падающих тел, то к мирам «души» и «духа», нечувственного вообще у него, за отсутствием соответствующего опыта, просто не было доступа. Западный мир шумно и ликующе приобщался к теориям и практикам номинализма, и не было ничего удивительного в том, что ни богословы с их «научным богословием», ни склонированные с них атеисты с их «научным атеизмом» и слышать не хотели о гнозисе — не старом, фантастическом, а новом, научном. Протестанты оказывались в этом отношении лишь прилежными учениками католиков, а в ряде случаев обнару-

Юлиус Нисле. Договор с дьяволом. Фауст и Мефистофель. Около 1840 года

Парадокс религии, её бомба замедленного действия – альтернативность веры и знания. Знание – соблазн, грех и гордыня: извечный исследовательский грант Люцифера, получив который стипендиат рассчитывает познать Бога, а познав его, стать им.

живали даже большее рвение, чем учителя. Образовавшийся тупик впечатлял тупостью аккуратного в него попадания. С одной стороны, хотели знания, с другой — блокировали каждую тенденцию его быть адекватным. Теологии, даже не мечтавшей тягаться по строгости и точности метода с естествознанием, не оставалось ничего иного, как равняться на филологию, а со временем и становиться филологией.

Первой жертвой этого абсурдного превращения стал протестантизм. Уже с XIX века протестантская экзегеза удивляет мир кропотливейшим учетом букашек при полном пренебрежении к слону. Началось с того, что принялись рубить сук, на котором сидели сами, а кончилось тем, что, упав, даже не почувствовали ушибов и переломов. Давид Фридрих Штраус задал тон своей «Жизнью Иисуса», и с этого

Жизнь Мартина Лютера и герои Реформации. Раскрашенная гравюра XIX века

По существу, Реформация разыгралась в плену той же ложной оптики, что и итальянский Ренессанс – рождение нового оба раза было принято за возрождение бывшего: христианского бывшего и античного бывшего. Лютеру, потрясенному масштабами разложения Церкви, казалось, что он её возрождает, тогда как в действительности он её уничтожал.

момента приходилось лишь гадать о степени растяжки и жизнестойкости маразма. В начале XX века в Берлине ведущие теологи уже дискутировали на тему «Жил ли Иисус?», причем так, что позавидовать им могли бы самые отмороженные атеисты. Потом пришло время теологии кризиса, а еще позже, уже в наши дни, начались церковные перформансы и биеннале. Профессор богословия Герд Людеманн назвал воскресение Христа величайшей нелепостью мировой истории. Епископеса Гамбурга Мария Епсен

предложила заменить на церквах крест яслями, мотивируя это тем, что крест мрачен и напоминает о смерти, а при виде яслей хочется улыбаться и быть добрым. Наконец, в представленном лютеровским городом Виттенбергом списке номинантов на Лютеровскую премию (в протестантском мире это примерно то же, что Ленинская премия в мире советском) за 2012 год фигурировали три московские дебилки, отплясавшие молебен в Храме Христа Спасителя. Характерно, что номинация была поддержана

Марго Кэссманн, бывшей председательницей Совета Евангелической церкви Германии и алкоголичкой, приобретшей скандальную известность за вождение автомобиля с 1,54 промилле в крови. Не следует только спешить с окончательной оценкой случившегося. Нелепость того, что такая номинация вообще могла иметь место, совсем не исключает другой нелепости, пусть не столь очевидной, зато не менее нелепой: того, что её в последнюю минуту отклонили.

5

Если Католическая церковь не дотянулась до этой рекордной планки, то прежде всего в силу своей несоизмеримо большей привязанности к традиции. Её беда в том, что со временем сама традиция

всё меньше вписывалась в современность, а после Второй мировой войны и уже ближе к нашим дням, когда мировоззренческий гегемон Средней Европы был вытеснен более удачливым англосаксонским гегемоном, и вовсе стала отторгаться ею. Диспозицию конфликта лучше всего удастся понять, если представить себе её в противостоянии *души ощущающей* (вместе со служащей ей *рассудочной душой*) и *души сознательной*. Это и есть противостояние веры и знания, где первая возникает на стыке невнятных ощущений и соответствующих им рассудочных представлений с перерождением тех и других в религиозное *чувство*, а второе — в элементе сознания. Нужно будет представить себе некий трансплантат средневекового мира с более чем миллиардным населением, вживленный в плоть современности, или нагляднее: Локка и Джефферсона, беседующими о первой поправке, толерантности и однополых браках с папой Иннокентием III и братом Джироламо Савонаролой. Понятно, что успешность диалога может зависеть исключительно от степени сдачи позиций одной из сторон, то есть от того, насколько один из участников способен молча кивать головой, слушая беспрерывно говорящего другого. Нет ни малейшего сомнения в том, что скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем либерал признает, что скотоложество, к примеру, — это извращение. Либерал *верит* в абсолютность своих сверхсовременных прав и свобод с иступленностью, аналоги которой в пору искать у религиозных фанатиков Средневековья, в то время как католик шаг за шагом сдает свои святыни под чудовищным прессом либеральной

прессы. *Он уступает*, потому что не может не уступать. Его часы отстают на пять или шесть веков. Правда, уступает он нехотя и часто скрежеща зубами, в отличие от своего протестантского поделщика, который по части уступчивости демонстрирует такую прыть, что от нее порой передергивает самих заказчиков. Но факт остается фактом, как бы парадоксально это ни выглядело: католицизм сегодня настолько же либеральнее либерализма, насколько этот последний, в свою очередь, католическое католицизма. Они кричат о толерантности и готовности отдать жизнь за право их врага высказать свое мнение, но сборища их скорее напоминают хлыстовские радения или беснования флагеллантов. Католики тем временем больше заняты скелетами в шкафах собственного прошлого и приносят извинения за содеянные бесчинства веры: от Джордано Бруно, сожжение которого кардинал Ратцингер, будущий папа, назвал «нашей тяжелейшей виной», до туземных народов Океании, у которых Иоанн Павел II попросил (через Интернет) прощения за преступления, совершенные католическими миссионерами.

6

В отмеченных рокировках ясно обнаруживается иллюзорный характер противостояния: призрачного прошлого, сияющего во что бы то ни стало вписаться в настоящее, и столь же призрачного будущего, выдающего себя за настоящее. Различие призраков в том, что один из них просрочен, а другой преждевременен. Один наследует некогда могущественную реальность, другой, за неимением никакой, сам создает таковую. Католицизм мнемоничен, загружен памятью и традицией.

Либерализм футуристичен, конструктивен и чист, как локковская доска. Душа ощущающая первого в сочетании с рассудочностью реальна, хотя и помечена задним числом, тогда как сознание второго — начисто отсутствующий феномен: это — сознание, в котором от сознания нет ничего, кроме имени и понятия, и которое есть только потому, что его называют и о нем говорят. Сила либерализма в том, что он толерантен по форме и тоталитарен по сути: настоящая практическая магия средствами не ребяческих пугалок, а высоких технологий, структурирующих информационное пространство. Здесь оглашаются *слова*, абсолютно пустые фразы, которые *post hoc ergo propter hoc* (после этого, значит, вследствие этого) магически уплотняются в органы восприятия реального. По сути, либерализм — это политический номинализм. Реальность тут не просто сведена к словам, но творится словами. Всё, что есть, есть слово, через слово и после слова. Оттого правилом номер один является здесь говорить — без умолку, до хрипоты, до беспамятства и в беспамятстве. Потому что *эта* реальность существует в той мере, в какой о ней говорится, и мгновенно исчезает, как только перестают о ней говорить. В этом и заключается более глубокий смысл парламентов (по-русски — гово-рилен), но прежде всего — свободной прессы, о которой еще Гёте заметил, что никто не кричит о ней громче, чем тот, кто хочет ею злоупотреблять, а Шпенглер добавил, что в чем мы действительно нуждаемся, так это не в свободе для прессы, а в свободе от прессы. Либерализм — не выдумка просветителей и антиклерикалов Нового времени, противопоставлявших средневековому «мракобесию» «свет» Разума и Прогресса, а всё то же «мрако-

бесие», только теперь уже в модальности не теизма, а атеизма, и значит — на службе у Разума и Прогресса. Это мрак, объявляющий себя светом и оттого воспринимаемый как свет. Противопоставленность традиции и консерватизму (в данном контексте — католицизму) — просто ложная оптика, рассчитанная как раз на тех, о свободах и правах которых пекутся конституции и поправки к конституциям. По сути, речь идёт не о вере и знании, а о *вере* и *вере*, одна из которых действительно вера, а другая — вера, прикидывающаяся знанием. Но в том и заключается особенность нынешнего времени, стоящего под знаком *души сознательной*, что в самой сознательной душе на этом этапе её становления нет ни *души*, ни *сознания*, ни *знания*, а есть всё та же прежняя астральность, прячущаяся под множеством рассудочных симулякров, которые, повторим это, за неумением познавать вещи *как есть*, заново конструируют их, выставляют напоказ и до тех пор внушают, что *так это и есть*, пока это в самом деле так и есть. Можно, конечно, без всякой примеси пессимизма и пораженчества говорить о конце. И в частности словами Карла Барта, последнего теолога мирового масштаба: «Не устранением греха, а устранением самого грешника устанавливается порядок, и не подношением лекарства, не хирургическим вмешательством оказывается тут помощь, а умерщвлением пациента». Но можно, и опять без той же примеси, видеть в этом не конец, а некую необходимость, *conditio sine qua non* (обязательное условие) сознания. Прийти к сознанию (не к словам о сознании, а к *самому*) — большой мировой риск, если знать, что сознание — *само* — достигается не иначе, как через свободу. Причем уже не на прежний лад ге-

роического ницшеанства, а совсем иначе. Нужно только представить себе старое библейское: «*И будете как боги*», — выкрикиваемое в микрофон где-нибудь на стадионе, площади, дискотеке или в университетской аудитории, после чего свежеспеченным богам-подросткам только и остается, что сдвигать черту предела в параболическом приближении к беспределу. Что значит: в состоянии буйного умственного помешательства, называемого в психиатрии «*амок*», а в конституционных правах «*свободой*», исказить и обесмыслить мир Божий до неузнаваемости, до той самой черты, после которой либо мир проваливается ко всем чертям, либо — *если бесноватый остановится и придет в себя* — черти проваливаются из мира, но уже такого мира, где больше нет места братьям-двойникам: тому, чья вера в Бога есть просто вера в какого-то небесного фокусника, и тому, кто с полным на то правом объявляет этого фокусничающего Бога несуществующим.

7

После нулевого 1945 года мир в нарастающих темпах сдвигается под знак французского 1789 года. Разумеется, в англосаксонской редакции. Это новый акт Творения, нечто вроде Шестоднева в измерении истории: экранизация мира по просветительскому сценарию в соавторстве — Ламетри—Руссо—Сад (автор идеи и продюсер — Джон Локк). Можно предположить, что худшего испытания Католической церкви не выпадало со времен распада Каролингской империи и после Реформации. Но если тогда ей удавалось решать проблемы и даже выходить из них обновленной (в клунийском движении, а после и в Контр-

реформации), то на этот раз всё оказалось гораздо сложнее. Особенностью прежних испытаний был их имманентный характер. Конфликт назревал и разражался внутри церковно положенной гомогенной атмосферы, за отсутствием чего-то, что выходило бы за её пределы. Короли и императоры могли иметь какую угодно власть и какие угодно амбиции; решающим оставалось то, что мир, в котором и которым они правили, был христианским, то есть католическим, а сами они — христианами и, значит, католиками, что позволяло папству, если не *de facto*, то, по крайней мере, *de jure* сохранять приоритет и выкручиваться из самых плачевных ситуаций (вроде авиньонского пленения или пощечины, данной Бонифацию VIII французским министром Гийомом де Ногаре). Иначе и сложнее было это в случае Лютера, посягнувшего на самую имманентность, которая, в его немецкой оптике первохристианина, перестала быть христианской. Лютер провел водораздел в самом христианском мире, разделив его сперва на собственно христианский (свой) и антихристианский (римский), а потом уже в своём всё больше и больше стирая границы между церковным и секуляризованным. Это было серьезным ударом, и если Риму удалось выдержать его и даже отыгаться, то не иначе как тому остро слову из комедии Ожье, который в течение месяца семь раз переболел насморком и оправился от всех разов, кроме первого. Конец католического тоталитаризма был предначертан не внутрицерковным разделом, а возникновением *гетерогенного* мира, если и связанного всё еще с Церковью, то преимущественно по воскресным дням. Между тем

сила и харизма Римской церкви на том всегда и держалась, что её мир, давно переставший быть христианским *по сути*, продолжал оставаться таковым *по форме*. Старая политическая теология двойного тела короля сохраняла свою значимость в применении и к папскому телу. Патологические бесчинства духовенства по всей иерархической лестнице сверху донизу не только не составляли никакой тайны еще со Средних веков, но и были общим местом (педофилия сегодняшних клириков не должна удивлять, если воспринимать её в знаке преемственности); иные сценки с участием всего персонала, от пап до рядовых монахов, казались списанными с петрониевского «Сатирикона», и уже с XIV века девизом кутил и пьяниц

Нужно только представить себе старое библейское: «И будете как боги», – выкрикиваемое в микрофон где-нибудь на стадионе, площади, дискотеке или в университетской аудитории, после чего свежеиспеченным богам-подросткам только и остается, что сдвигать черту предела в параболическом приближении к беспределу.

было «*bibere papaliter*» (пить по-папски). Это порочило отдельных святых отцов, но не само *папство*, которое именно в качестве номена оказывалось реальнее своих эмпирических носителей. Говоря грубо, но точно: бессмертие католического Кашея заключалось в том, что из него некуда было деться: даже от ада откупались прижизненно (по ценнику Тетцеля отцеубийство обходилось в 4 дуката, а содомия в 12), а попав в него, чувствовали себя всё еще дома (пусть в подвальном этаже, но всё же дома). После

Реформации стало наконец возможным переселяться в альтернативную действительность протестантских Церквей, а от них уже было рукой подать до абсолютно гетерогенного мира. Современный либерализм в раскачке самореализации от Эйнштейна, Фрейда и Чаплина до взбесившихся панк-политиков и гендеро-жигеков есть лишь окончательное приведение к нелепости старого католического воя, от которого сегодня только и осталось, что фантомные формы и скелеты в шкафу.

Эдуард Швайцер. Генрих IV перед Каноссой. 1869 год

После нулевого 1945 года мир в нарастающих темпах сдвигается под знак французского 1789 года. Разумеется, в англосаксонской редакции. Это новый акт Творения, нечто вроде Шестоднева в измерении истории: экранизация мира по просветительскому сценарию в соавторстве – Ламетри–Руссо–Сад (автор идеи и продюсер – Джон Локк). Можно предположить, что худшего испытания Католической церкви не выпадало со времен распада Каролингской империи и после Реформации.

«Как тяжело ходить среди людей / И притворяться непогибшим» (Александр Блок). И даже: не притворяться, а мертвым продолжать жить. Как раз оттого, что не знаешь, что мертв. Консерватизм (любой) тягостен не тем, что он бесповоротно обречен, а тем, что он никак не хочет осознать свою обреченность, мертвой хваткой вцепляясь в жизнь и не отпуская её даже там, где её уже нет. Это призраки, которые ровно столько времени маячат перед глазами, сколько нужно, чтобы — быть. Они и *есть*, все эти гламурные глянцевики укрупненные величества и высочества, только уже не в том же мире, что их анекдотические псевдоподданные, а в некой медийной проекции, очерченной границами цифровых онтологий. Им (особенно отпрыскам) дозволяются даже маленькие шалости из обширного ассортимента свобод и прав. Они носят джинсы, едят бигмаки, пьют пиво, курят марихуану, пляшут на дискотеках, дебоширят, блудят, гибнут в автомобильных катастрофах — разумеется, в рамках фокусного расстояния объективов. Либеральные хозяева жизни ведь на то и либеральные, чтобы давать жить даже галлюцинациям, при условии что либеральны и сами галлюцинации, вопреки собственным геральдикам и родословным. Характерно, что из обеих зарегистрированных у Данте властей (*duplex potestas*) Средневековья, королевской и папской, до наших дней дожили обе. Чтобы понять их, не понадобится никаких особых усилий — только способность к адекватному восприятию и крупица здравого смысла. Нужно быть действительно покинутым всеми демонами душевного здоровья, чтобы обнаружить в статусе сегодняшней коро-

левской власти что-либо еще, кроме мишуры, дизайна и шутовства. С папством обстоит хоть и намного сложнее, но по существу всё в той же топике сенильности. (Есть, правда, еще и третья — тоже средневековая — власть, уже с момента своего появления заставившая потесниться обе первые, а со временем в совершенстве перенявшая их замашки: *университет*. Но о ней придется поговорить как-нибудь в другой раз.)

9

Судьба Римской церкви после Второго Ватиканского собора (1962–1965) напоминает затяжную осаду крепости, защитникам которой дан единственный шанс на спасение (сохранение лица): самим снять осаду и, приветливо улыбаясь толпам репортеров и зевак, распахнуть двери, подzemелья, хранилища, сейфы — при условии, конечно, что случившееся будет поднесено не как поражение, а как приверженность демократическим ценностям и готовность к диалогу. Главное: они могут только обороняться, даже не думая о том, чтобы атаковать самим. Притом что жертвовать приходится самым важным — тем, на чем всегда держалась эта могущественнейшая твердыня западной истории: *закрытостью и тайной*. Либерализм с его культом абсолютной проницаемости не терпит никаких тайн и истребляет их силою медийной маго-мафии. Это мир культивируемых относительностей, не признающий никакого абсолюта, кроме самой культивируемости относительного. Его конец, по аналогии со смертью Кашея Бессмертного, на конце иглы, которая, минув сказочный реквизит яйца, утки, зайца, сундука и дерева, — в *свободной прессе*. Оттого и держится он столь яростно за свободу прессы,

что малейшая уступка по этой части ознаменовала бы начало его конца. Речь идет о некоем альтернативном аналоге Творения: мире, ежемгновенно возникающем из *слухов* и *новостей* и исчезающем со *слухами* и *новостями*, скорость которых приближается к скорости света. Особенность этого мира в его *абсолютной выставленности напоказ*: старое библейское *игольное ушко*, которое при случае расширяется до неба, потому что легче верблюду пройти через него, чем иному двуногому попасть на небо, пародируется здесь *зачерченной скважиной*, расширенной до дверей, стен, домов, городов, стран, пространств, вселенной. В этом мире снесенных перегородок есть свои маленькие и большие региональные онтологии: кухни, соединенные с гостиными; маленькие голландские дома с огромными освещенными окнами без занавесок (потому что занавески ущемили бы право случайных прохожих видеть и знать, как там живут); голландские же улицы с множеством открытых кабинок-писсуаров; реальное телевидение справления нужды, случек или ковыряния в носу, после чего рейтинги передач зашкаливают за все возможные пределы; онлайн-трансляции выяснения отношений, заканчивающиеся мордобоем; шоу-показ скелетов в шкафах в режиме реального времени. Наконец, гигантская карикатура таинства исповеди, где исповедуются уже не исповеднику в окошко исповедальни, а миллионам френдов и телезрителей в формате блога или в микрофон. Вынудили же американского президента-шалуна краснеть на весь мир при оглашении мельчайших подробностей его сношения с одной практиканткой, которое, как определили юристы, вовсе не было сношением, потому что сношение — «это

когда...», а тут было без «когда...». Даже цюрихская масонская ложа *Modestia cum Libertate* провела несколько лет назад день открытых дверей, чтобы каждый желающий мог прийти и убедиться, что никакие «мы» не заговорщики, а просто — масоны. Потому что сам заговор сегодня — это всё те же голландские окна без занавесок: *open conspiracy*, как это еще в 20-е годы прошлого столетия внушал Герберт Уэллс, фабианец, фантаст и филантроп. Ну и каково же Ватикану с его тысячелетними тайнами сопротивляться этой, говоря словами Альваро д'Орса из одного письма к Карлу Шмитту, «порнодемократии»? В эпоху планетарной течи и утечки информации под техническим названием «*викиликс*». Второй Ватиканский собор — характерно его синхронное протекание с коммунистическим XXII съездом — подвёл итоги и поставил точки над «и». Церковь, писал в 1983 году Йозеф Ратцингер, «в приступе эйфории и оптимизма» открылась современности. Согласно другому — более правдоподобному — диагнозу, это было приступом не «эйфории и оптимизма», а отчаяния и безысходности. В предпосланной собору энциклике 1959 года *Ad Petri Cathedram* недвусмысленно говорится о его цели: приспособлении (*accommodatum*) к нуждам и обычаям нашего времени. Под знаком обновления, или осовременивания (*aggiornamento*), — почему бы не сказать «перестройки»? — Церкви. Вопрос: что это за обычаи «нашего времени», к которым готова приспособиться Церковь, сама веками творившая обычаи? Из длинного перечня таких назовем немногие и основополагающие — те, которые возникали параллельно и на глазах: в религии четырехголосистых лемунов, объявивших себя популярнее Иисуса

Это слияние «черного» и «белого» пап в одном лице – симптом необыкновенной важности, указывающий, как кажется, на то, что время блаженных блажей осталось в прошлом и что Церкви придется решительнее заботиться о своей вменяемости. Вот только рассчитывать при этом на какой-нибудь успех – в атмосфере всеобщей, изо дня в день нарастающей мировой невменяемости – она вряд ли станет, а играть роль самоубийцы ей просто не дадут, даже если бы она дошла до этого.

Христа, в бойкотировании опрятности и элементарных гигиенических норм, в студенческих уличных буйствах, в свальном греху студенческих же коммуналок. Словом – в *воцарении босяка*. Вот какой современности открылась Церковь, и вопросом было не только: как далеко это могло пойти, но и: как долго это могло продлиться.

10

Не секрет, что люди прессы решают, *кто есть кто* и *что есть что*, после чего меченые «кто» и «что», получив свое второе – «политическое» – тело, катапультируются в пространство публичности. Это правило значимо для всех ниш соци-

ального и не знает исключений. Сюда относятся миллиардеры и футболисты, писатели и боксеры, эстрадные певцы и парикмахеры, принцы и портные, президенты и дирижеры, политики и бандиты, телеведущие и серийные убийцы, педофилы и адвокаты, философы и феминистки, при случае даже домашние животные: собаки, кошки, лошади, кролики, хомяки, попугаи – в зависимости от дома и степени раскрученности хозяев. Понятно, что свое место отведено здесь и Церкви, прежде всего высокому духовенству, раскрутка которого ведется всё в том же привычном режиме температур и давлений. В романе Гюго «Собор Парижской

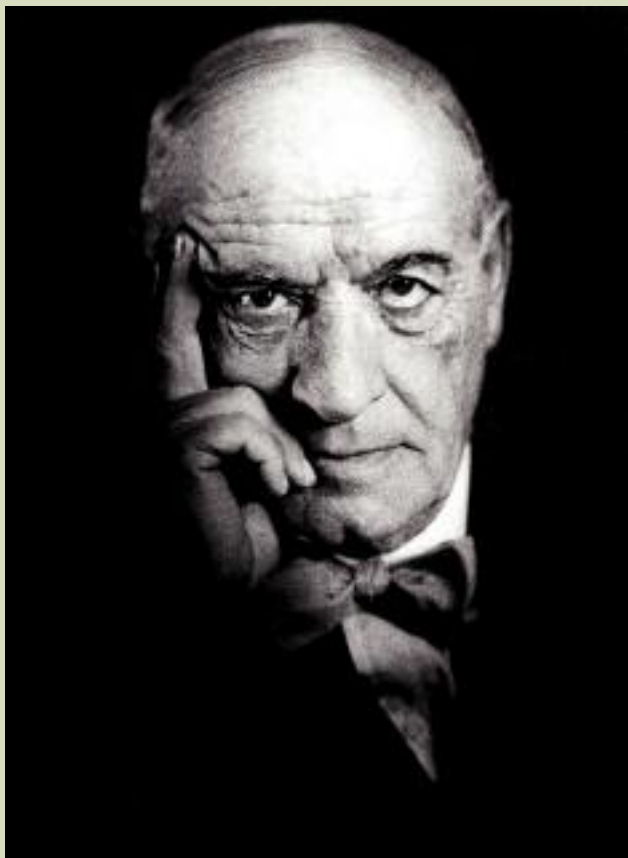
Богоматери» есть сцена, где священник Клод Фролло, глядя сквозь окно своей кельи на собор, переводит взгляд на лежащую перед ним книгу и произносит: «Это убьет то». Книга убьет здание. В сегодняшней редакции фраза выглядит иначе. Место собора заняла здесь книга, а место книги – убивающий её экран персонального компьютера. Со Второго Ватиканума Римская церковь стремится сократить разрыв, как бы невольно имитируя протестантские практики с дискотеками в церквях и Богом в роли диск-жокея. Что она сокращает на деле, так это лишь сроки своей смерти. Блаженный папа Иоанн Павел II добился здесь внушительных успехов. Нужно только вспомнить его покаяния и извинения: за бесчинства крестоносцев, инквизицию, расколы и войны, Варфоломеевскую ночь, суд над Галилеем. Несомненно, это был первосвященник как раз по вкусу либеральной публики, и если его время от времени заносило в неуступчивость, то

это с лихвой компенсировалось эксцентрикой его демаршей, вроде присутствия в качестве слушателя на концерте рок-звезд в Болонье в 1997 году или провозглашения святого Исидора Севильского покровителем Интернета. Его немецкий преемник, которого пресса невзлюбила с самого начала (немец — это вообще аллерген Запада, а немец-папа — чёрт знает что), оказался в этой связи гораздо менее удачливым. Ему не прощали и доли того, что прощали его блаженному предшественнику, потому что в его решениях и реакциях, хоть и столь же половинчатых, не было блажи, а были пусть едва слышимые, но явные нотки старого ненавистного немецкого протеста. Чего стоит уже одна ссылка на Мануила II Палеолога, вызвавшая бурю негодования в исламском мире: «Покажите мне, что нового принес Мухаммед, и вы найдете злые и бесчеловечные вещи вроде повелений мечом насаждать проповедуемую им веру». Или снятие отлучения с четырех епископов-лефевристов, отлученных предшествующим папой, в том числе и с Ричарда Уильямсона, известного своим отрицанием газовых камер и Холокоста. Добровольный уход Бенедикта XVI был, конечно, вынужденным, и если он мотивировался состоянием здоровья, то речь, скорее всего, шла не столько о личном недуге, сколько о недуге самой Церкви; со здоровьем Иоанна Павла II никоим образом не обстояло лучше, но этот папа предпочел уйти не на покой, а в блаженство, где только и делал, что демонстрировал готовность к диалогу, целуя Коран и выпуская музыкальные компакт-диски. В этом — разумеется, с соответствующими поправками — было что-то от Брежнева, вернее, не

самого Брежнева, а Брежнева из анекдотов о Брежневе. Журналисты, захлебываясь от восторга, писали о понтифике, «еще раз доказавшем, что Католическая церковь идет в ногу со временем», что хоть и было сильным преувеличением, но достаточно точно передавало тенденцию. Эти промахи и пытался нейтрализовать немецкий папа, робко напоминая *urbi et orbi*, что Церковь — не место встречи молокососов, в том числе и посевших, а нечто *серьезное*. По существу, это был транзитный папа, взявший на себя бремя перехода от католической Реформации Второго Ватиканума к чаемой столь многими католической же Контрреформации. Выбор, павший после его ухода на аргентинского кардинала Бергольо, говорит в пользу этого предположения. Франциск I, или просто Франциск («Франциск, и баста!» — как закрыл тему один кардинал), оказался, по всей видимости, лучшим кандидатом на эту роль. Он — не немец, а значит, не отягощен врожденным пороком вины и необходимостью всё время извиняться. К тому же он именно Франциск в ауре ассизского «беднячка»: в момент провозглашения его понтификом он появился просто в белой сутане и с надгрудным железным крестом вместо шелковой столы и золотого креста, а в бытность кардиналом жил в маленькой квартире и ездил на общественном транспорте. Его давнишний конфликт с либеральным аргентинским правительством, охарактеризовавшим резкое неприятие им однополых браков как «Средневековье», дает ему еще один козырь в возможной реорганизации и радикализации позиций. Наконец, он *иезуит*, то есть член той самой военно-монашеской

организации, которая была создана во время Тридентинума и на фоне которой официальное папство стало больше походить на «потемкинскую деревню», чем на престол. Это слияние «черного» и «белого» пап в одном лице — симптом необыкновенной важности, указывающий, как кажется, на то, что время блаженных блажей осталось в прошлом и что Церкви придется решительнее заботиться о своей вменяемости. Вот только рассчитывать при этом на какой-нибудь успех — в атмосфере всеобщей, изюмной, нарастающей мировой невменяемости — она вряд ли станет, а играть роль самоубийцы ей просто не дадут, даже если бы она дошла до этого. Церковь, насчитывающая более миллиарда приверженцев, *нужна во всех смыслах* — экономическом, политическом, культурном, и более чем очевидно, что никто ей не даст деградировать *полностью и окончательно*. В общем пасьянсе мировой колоды карт ей отведена роль диалектически необходимого контраста: некоего хранителя традиции по воскресным и праздничным дням. Портить её не имеет смысла, потому что кто же сделает это лучше нее самой. Просто грязь должна подаваться в строго дозированных порциях — так, чтобы на «меньше» тут всегда было «больше», а на «больше» — «меньше». Главное, чтобы степень маразма не превышала критический (заранее установленный) уровень: можно было бы условно назвать его «планкой Кароля Войтылы». Не исключено, что новому иезуитскому папе будет даже позволено подергаться сильнее обычного в обличении пороков и язв современного мира. Когда он умрет, его просто причислят к святым. ☪

Базель, 28 апреля 2013 года

ра – возделывание и строительство, сеющие среди людей мир. Социализм – строитель великого мира на земле. Как же мне не потрудиться во имя того, чтобы социализм в основе своей перестал наконец означать враждебность, отрицание, борьбу? Нет, нет, мы, социалисты, отнюдь не только враги наших врагов, у нас есть идеал неисчерпаемого творения, вокруг которого люди группируются и объединяются, к которому они причащаются и который помогает им научиться жить вместе.

Не знаю, возможно, то, что я скажу, удивит вас: ведь вас учили, что главная формула социализма – борьба классов. Поэтому я и не вступил в вашу партию, хотя мое сердце сочувствует вам. Нас разделяет только одно определение: вы социалисты-марксисты, а я – не марксист».

«Карл Маркс никогда не говорил, что человеческая история состоит лишь из экономических

Хосе Ортега-и-Гассет

Из работы «О социализме без берегов»

«Социализм – самое весомое и благородное, боговдохновенное слово в современном этическом словаре, в этом понятии не может заключаться лишь одно отрицание. <...> Социализм для меня не абстрактная категория, подобная научным терминам, это не нечто вне меня, что я могу допустить или исторгнуть из своей души. Для меня социализм – новое слово, слово евхаристическое – слово причастия, причащения, символизирующее все те добродетели, которые несут в себе обновление, все плодотворные устремления и созидание. Для меня социализм и человечество – два слова-синонима, два разных названия одной и той же высшей идеи. И когда они произносятся энергично и с убежденностью, тогда сам Бог является во плоти и поселяется среди людей. Социализм для меня – это культура. А культу-

реальностей. Да и как он мог такое сказать, если для него экономическое было только царством средств? Да, единственным объектом интереса было царство средств, но он никогда не отрицал царства целей. Имеют ли они смысл без средств? Могут ли существовать средства, которые не являлись бы средствами для чего-то еще? Вся экономика – это в чистом виде средство для того, что экономикой не является.

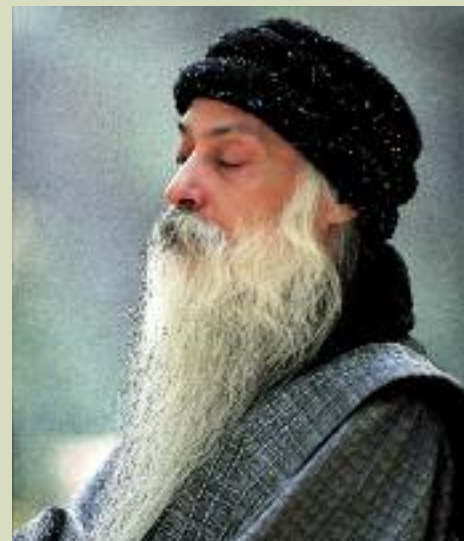
Интерес Карла Маркса заключался в том, чтобы раз и навсегда определить, что все составляющие социальной человеческой истории – религия, политика, мораль – всегда выступают как формы экономической реальности и не имеют смысла без их соотношения с экономической сферой».

Из книги «От медицины к медитации»

«Думайте о себе только как о человеческом существе. Если у вас есть интеллект, думайте о себе просто как об обычном человеческом существе. А когда ваш интеллект вырастет еще немного, отбросьте даже прилагательное “человеческий”. Вы будете думать о себе только как о сущности. А понятие сущности включает все: и деревья, и горы, и реки, и звезды, и птиц, и животных. <...> Но вы думаете, что живете в великих идеологических системах. Вы не живете в великих идеологических системах, потому что не существует великих идеологических систем. Не бывает идей достаточно больших, чтобы вместить человеческое существо, бытие не может

содержаться в какой-либо концепции. Все концепции калечат и парализуют.

Не будьте католиком или коммунистом, просто будьте человеческим существом, а те понятия — просто яды, просто предрассудки. Настоящая свобода — это свобода от идеологии. Неужели вы просто жить не можете без идеологии? Является ли идеология необходимой? Почему идеология является настолько необходимой? Она нужна, потому что она помогает вам продолжать оставаться глупым, она нужна, потому что она помогает вам оставаться неумным. Она нужна, потому что снабжает вас готовыми ответами и вам не нужно находить их самому.

По-настоящему умный человек не примкнет ни к одной идеологии, да и для чего?»

Из книги «Алмазная Сутра»

«Будда Гаутама родил вид духовности, которая является подавляющей и неидеологической. Это — очень редкое явление. Обычный вид духовности, культивированная ее разновидность, очень подавляющая. Она зависит от подавления. Она не преобразует человека, а лишь уродует. Она не освобождает человека, а порабощает. Она насильственна, уродлива. Будда неидеологичен, он не дает никакой идеологии, так как все идеологии от ума. А если идеологии от ума, они не могут вывести вас за пределы разума. Ни одна идеология не может проложить мост для достижения запредельного разума. Все идеологии должны быть отброшены, только тогда будет отброшен разум. Будда не верит ни в какие идеалы, так как все идеалы создают в человеке напряженность и конфликт. Они разделяют, они творят горе. Вы — это одно, а они хо-

тят, чтобы вы были чем-то иным. Между этими двумя точками вы и растянуты, разорваны на части. Идеалы творят несчастья. Идеалы создают шизофрению. Чем больше идеалов, тем более шизофреничны люди, тем больше они расщеплены. А если вы расщеплены, как можете вы быть счастливы? Как можете вы быть в тишине? Как можете вы знать что-то о мире, о покое?

Идеологическая личность постоянно борется с собой. Конфликт присутствует в каждый момент. Человек живет в конфликте, живет в разочаровании, так как не может решить, кем он в действительности является — идеалом или реальностью. Он не может себе верить, он начинает себя бояться, он утрачивает доверие. А раз человек утратил доверие, он теряет всю славу. Тогда он готов стать рабом кого угодно: любого жреца, любого по-

литикана. Тогда он готов и ждет того, чтобы попасться в ловушку. Адольфы гитлеры, иосифы сталины и мао цзэдуну будут появляться вновь и вновь, пока не будут отброшены все идеологии. И помните: когда я говорю “все идеологии”, это значит — все идеологии. Я не делаю никакого различия между благородными идеологиями и не такими благородными. Все идеологии опасны. В действительности благородные идеологии более опасны, так как обладают соблазнительной мощью, они более убедительны. Но идеология, как таковая, это болезнь, точнее нездоровье, так как вы становитесь раздвоенными: идеал и вы. И тогда вы, как вы есть, проклинаетесь, а вы, которыми вы не являетесь, восхваляетесь. Так вы попадаете в беду. Теперь, раньше или позже, вы станете невротичны, психопатичны или что-нибудь в этом роде». ☸

Александр Иванович Неклесса – руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

*О чудо... Сколько вижу я красивых созданий!
Как прекрасен род людской...
О дивный новый мир, где обитают такие люди.*

Уильям Шекспир «Буря»

Неопознанная культура

Гностические корни постсовременности

Некогда, гуляя светлым утром по кампусу Стэнфордского университета, набрел я на удивительную скульптурную группу, созданную Роденом, в которой присутствовал знакомый «Мыслитель», правда, в измененных пропорциях и своеобразном окружении, чем-то напоминающем скульптурную группу, воздвигнутую в Москве в глубине Болотной площади. Нечто странное, даже тревожное чувствовалось в этом на редкость впечатляющем творении мастера. Гравитационным же центром композиции было другое изваяние – гигантские медные двери, притягивающие взоры скульптурных персонажей. В подобном хоре «Мысли-

тель» выглядел иной персоной, нежели привычное восприятие его образа. Скульптурный ансамбль, выстроенный на площадке калифорнийского кампуса, являл собой то самое, сакраментальное: «Оставь надежду, всяк сюда входящий...» И не Данте изображал сидящий у приотворенных врат «Мыслитель».

Трансмутация истории

*Не имея возможности
направиться в высшие сферы,
я двинулся к Ахеронту.*

Вергилий

Роберту Музилю принадлежит любопытная сентенция: «Ощущение воз-

Отличительная черта гностического мировоззрения – особый статус материального мира как области несовершенного, случайного, пространства плохо сделанного космоса, которому присущи произвол, инволюция, самоотчуждение. Гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, решив ее через призму негативного восприятия вселенной и умопомраченного творца.

мальной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей». Действительно, трансформация существующего в возможное, а возможного в действительное нередко ограничена оценкой пределов вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности, но для человека, обитающего в пространствах опыта, то есть прошлого, первое доминирует над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим уже недействительное положение вещей. Мастерство мировидения – это способность в текущем улавливать настоящее, которое есть будущее, удерживаемое озоленным сознанием в коросте прошлого. Востребованным оказывается умение видеть неочевидный, неописанный, неосвоенный ландшафт, что напоминает уникальное качество гоголевского Вия, могущего в мире живых узреть недоступное обычным духам. Далеко не всегда, однако, удастся вовремя проверить предсказания оракулов, разгадать неявный смысл, извлечь прогноз из двусмысленных и подчас лукавых советов.

Что есть гностицизм, его внутренняя картография применительно к (пост)современному кругу проблем, проклюнувшемуся мироустройству, экономической и политической практике, ценностям и мотивациям в новом мире? Каким видится влияние идей и – шире – этого специфического мировидения, утверждаемых им постулатов и прочтений бытия? Какова соответствующая его духу и логике модель социального универсума?

Отличительная черта данного мировоззрения – особый статус материального мира как области несовершенного, случайного, пространства плохо сделанного космоса, которому

присущи произвол, инволюция, самоотчуждение. Бог обезличивается и обособляется от чуждого творения, трансформируясь, по сути, в аристотелев перводвигатель. Миру придается тот же механицизм, что и у язычников, нет лишь страха и пиетета перед ним. Для него характерна онтологизация зла, презумпция отдаленности и неучастия «светлых сил» в земных делах при близости и активном соучастии «сил темных», а также вытекающий из подобной трагической, фатальной ситуации деятельный пессимизм. Гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, решив ее через призму негативного восприятия вселенной и умопомраченного творца. Пытаясь отыскать простое (линейное) и понятное (рациональное) разрешение метафизической

тайны – генезиса разлада между могуществом и благостью, – адепты учения усложняют по форме, но упрощают по сути модель мира и саму проблему, придавая ей скорее механистический, нежели метафизический привкус дурной бесконечности. И порождают представление о творце/творении – редуцированное, прагматичное, жесткое, неблагое. Еще один родовой признак – эзотеризм, эволюция степеней посвящения, практика скрытой власти, действующей параллельно официальной, особых структур управления, используемых и во вполне прагматичных целях. Немаловажное свойство – абстрактное мышление, стремление к строительству бесконечных миров, нумерологических систем, изощренные операции в дигитальном космосе.

Александр Кабанель. Венецианский купец. 1881 год

Контур нового класса, равно как изменения в статусе мира, проступали в дерзких исканиях мысли, нетрадиционных торгово-финансовых замыслах, пересечении прежних норм и границ – как географических, так и нравственных, в областях теории и практики.

Нельзя не упомянуть о его тяге к христианству, особенно к наиболее напряженной практике – исихазму, о двойничестве-оборотничестве, состязательности, соприсутствии на территории абсолютной религии подчас одних и тех же душ и умов. Гностицизм по-своему близок христианству как основной оппонент, «близнец». Иногда различие кажется столь тонким, словно из сферы субстанции перетекает в область акцентов. В Древнем мире гнозис оказался своеобразным предшественником христианского века, зачинателем осевого времени, будучи метафизически глубже и деятельнее язычества традиционных культур. Он свидетельствует о христианстве, как полноценная тень свидетельствует о светиле, он что-то знает о христианской истине, но по слишком мно-

гим причинам предпочитает собственный ответ, в котором разъята триада любви, творчества, свободы. Гностик – безумец, несчастливо соприкоснувшийся с отраженной истиной, ставший пленником иллюзорного зазеркалья: «Мы восстанавливали человека, но когда это существо восстало, оно оказалось мало похожим на человеческое».

Рискую сказать, что гностицизм – своего рода упрощенное христианство (эрзац, исключивший жертву), что, однако, влечет совсем не простые следствия. Но как раз этой стороной данное мировоззрение наиболее близко современному человеку, развращенному потребительской логикой, эманациями массовой культуры, обожающему именно эффектные, эффективные упрощения. Особенно если можно заменить траге-

дийное усилие не слишком обременительными спекуляциями, имеющими, как всякое средство комфорта, в данном случае душевного, коммерческую составляющую. Проекты именно класса *a la* интеллектуальный поп-арт, ориентированные на поддержание иллюзии принадлежности к высокой культуре (*haute culture*), духовный материализм и душевное утешение оказываются перспективным товаром.

В облегченной модели искусства открывается головокружительный простор для эксплуатации слабостей. Гностицизм в своей основе есть действенная иллюзия и в практике – энергичная попытка умопостижения абстракции, обретения свободы без самоуничтожающей любви. Порой создается впечатление, что наиболее характерная черта данного мироощущения – присущая лишь ему удивительная смесь элитаризма и вульгарности, по своему выражающая *Zeitgeist* уплотнения цивилизации и освоенной дикости.

■ Адепты лжеименного учения подменяют личное и жертвенное сочетание свободы и любви в реальном мире соединением свободы и универсального, но обезличенного знания в мире иллюзий. Их бог — не личность, ибо гностическим даром, утешением можно уверенно обладать и обогащаться, управляя как силой, что подчас сблизжает гностицизм с магией. Различие двух ответов на тайну бытия проявляется в отношении к несовершенствам: гностицизм, копя в хрониках перфекционизм и нигилизм, отрицает жизнь и, тяготея к силам искусства, изобретает неподлинное, несуществующее (плодит протезы и утопии), в то время как христианство приходит в падший мир, чтобы попытаться его спасти. Смысл христианского творчества не спиритуалистичен, но реалистичен, конкретен и персоналистичен. Его цель — не искусство как апогей процесса, а спасение как торжество результата. Не идеальный проект отделяется от какофонии случайного, но личность отъединяется от греха и следствий (искажений), так что солидарное творчество охватывает в конечном счете весь мир. Не предрешая, но воплощая результат в соответствии с экзистенциальной близостью/сопричастностью живого и милосердием икономии спасения. Проще говоря, гностицизм склонен уничтожать несовершенное, а не исцелять. Но и гностицизм, и христианство — оба пребывают в трансцендентальном отношении к обыденности, сталкиваются в метафизических пространствах и деятельных душах. Хотя, конечно же, земное пространство распространения гностицизма, универсалистский дух которого проклевывается еще в буддийском нигилизме и зо-

роастрийском дуализме, не ограничено иудео-христианским миром.

Гностический дуализм предопределил особую антропологию. Речь идет не о сложных кодах сочетания двух природ в Богочеловеке, как в дохалкидонской полемике, а о неравном достоинстве двух пород, о жестком разделении человечества на избранных и отверженных. Проявление чего — радикальный, обостренный элитаризм и подспудная тектоника проклятых. Представление о дуальности мира проявилось в разделении людей на настоящих, обладающих гнозисом, что бы под этим ни подразумевалось, и ненастоящих, имеющих лишь обличье человека, но являющихся по существу разумными животными. Гностический универсум делится, таким образом, на виртуальную сферу настоящих свойств (сакральный Север) и материальный мир подделок (десакрализованный Юг).

И в той же купели переосмысливается кровоточивый вопрос Иова о вселенской справедливости, местопребывании блага при манифестации зла: «Где ты был, Господи?» Вопрос, болезненный для людей, ощутивших глубину «зияющих высот» в теологии после ГУЛАГа и Освенцима, Кампучии и Руанды.

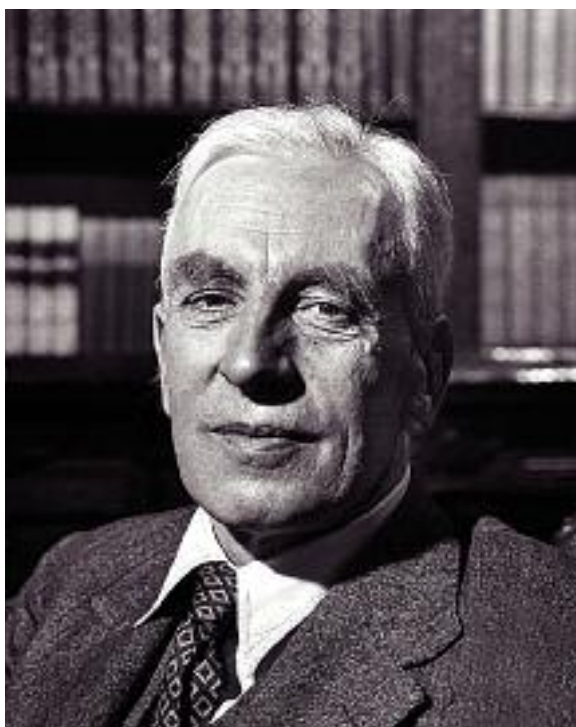
Сложноподчиненная конструкция мирового Севера и мирового Юга может быть истолкована как пародийное переосмысление дихотомии Страшного суда, всего корпуса христианской эсхатологии. Можно вспомнить слова Сергея Булгакова о «переложении иудейского хилиазма <...> на язык политической экономии» или провести параллель со «священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии». И даже шире. Почти фарсовое сближение апока-

липтического противостояния избранных и подлых дополнилось в наши дни противопоставлением «рыцарского союза демократий Севера мировому плебейству Юга», квинтэссенция которого — идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание (либо развязывание) демонов мировой анархии.

Иначе прочитывается и тезис о конце истории. Если мир и большинство его обитателей не вполне настоящие (механические объекты), то действия в отношении них лишены реального груза моральной ответственности. Тогда высшее состояние юдоли зла — ночь творения: распад и аннигиляция, освобождающая избранные души от власти материи. Ночь истории — что на протяжении творения человеком своего мира тенью присутствует как изнанка свободы и шанс первобытного хаоса, — предчувствуя исполнение сроков, готовится к реваншу, стремясь повернуть время вспять ко временам архаики и протоистории.

В то же время миллионы людей соотносят драматичные события с приближением «нового неба и новой земли» пост-исторического бытия, символизируемого образом идеального града — горного Иерусалима, «стана святых и города возлюбленного».

■ Оставим за пределами рассуждения мандеев и ессеев, Симона Мага и Саторнила, Василида и Валентина, офитов и каинитов, сифиан и архонтиков. И даже таких важных для темы фигур, как Маркион и Мани. А также калейдоскоп околороманской мистики, иудейской каббалистики, имевших, пожалуй, даже большие возможности полугалактического существования в космосе средневековой Европы,

Арнольд Тойнби:

«Я полагаю, что во всех странах, где максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм в конечном счете будет навязан диктаторским режимом».

образовывавших симбиотические конструкции со структурами повседневности. Читая о событиях Темных веков, задаешься вопросом: какой могла бы стать европейская ночь после Великого переселения народов, если бы в ней не засияла звезда Рождества, то есть отсутствовал бы христианский идеал и вектор истории?

Если сжать время и выделить отправную точку феноменологического дискурса — когда многовековой подспудный процесс выходит на поверхность, значимо проявляет себя и социализируется, — то интерес представляет предыдущий *fin de millenium*, а точнее первые века второго тысячелетия. Тогда после тектонического раскола универсального пространства спасения, массового перемещения людей и ценностей, войск и народов, велись, как и сегодня, разговоры о новом мировом порядке,

даже словосочетание употреблялось то же — *Novus Ordo*. К XIII веку стали явственными девиации духовного порыва, кризис ожиданий, связанных с поводом крестовых походов, сопровождавшихся культурной трансгрессией, социокультурной диффузией, привнесением в европейский круг даров и пороков восточного наследия. То же относится к процессу Реконксты и к обретению наследия византийского.

В этот период наряду с утверждением христианского мира как генерального субъекта действия — цивилизации универсалистской и прозелитической — к древней истории прививается побег, произрастающий из зерен аверроистской

версии аристотелизма, специфического антропоцентризма и гностических ересей. Эта ветвь, разрастаясь и укрепляясь, произвела мутацию могучего организма, создав в числе иных следствий экономистический универсум. Амальгама европейского ума соединила стремление к ясности, демифологизацию мира с уступкой механизму линейной логики, проявившись, в частности, в дискурсивном пространстве поздней схоластики, а затем — в феномене сциентистского мышления, развитию эффективных технических инструментов, породив ряд характерных для современной цивилизации явлений. И предопределив ее глобальную экспансию.

Что же такое «новый порядок» в реалиях того переходного периода?

Это было время распада империоцентричной системы и приватизации власти, что на-

шло выражение в феномене кастелянства/феодализма. Затем последовала аграрная революция, сопровождавшаяся ростом населения, чуть позже — урбанистический взрыв. Начиналась эпоха Великих географических открытий, усиливались миграция, колониальная экспансия, менялись торговые пути и финансовые схемы. В сущности, уже тогда возникают всполохи Реформации, зарождается пассионарный толчок, направленный против эксцессов и духовного оскудения Рима, складывается динамичная общность новых людей и светских интеллектуалов.

Несколько позже распад мироустройства привел к формированию национальных государств, в которых идеал *Universum Christianum* — единого христианского народа — нашел замену в альтернативном чувстве патриотизма. Впоследствии модели вселенской общности рассматривались в иной системе координат: сначала как движение к «союзу наций», а в наши дни — как преодоление государственной власти. Кстати, *Novus Ordo* переводится не только как «новый порядок», но и как «новое сословие» («сословие» и «порядок» — одно слово на многозначной латыни). Проблема глубока и многомерна, она осознавалась и схоластически осмысливалась в начале второго тысячелетия, у истоков современной эпохи. Хорошо известны стереотипы трех сословий, хуже — четвертого. Между тем полемика велась не один век, и в теме проявилась квинтэссенция динамичного, транзитного состояния, смены, ломки мировоззрения Средневековья. Контур нового класса, равно как изменения в статусе мира, проступали в дерзких исканиях мысли, нетрадиционных торгово-финансовых замыслах, пересечении прежних

норм и границ — как географических, так и нравственных, в областях теории и практики. Диапазон представителей четвертого сословия — от ростовщиков и купцов до фокусников и алхимиков, от «дворянства мантии» до школьников и городского плебса. Так, «в немецкой поэме XII столетия утверждалось, что четвертое сословие — это класс ростовщиков (*Wucher*), который управляет тремя остальными. А в английской проповеди XIV века провозглашалось, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, дьявол же — бюргеров и заимодавцев» (Жак Ле Гофф).

И здесь мы вплотную подходим к исторической загадке капитализма. К той области, в которой бытует множество стереотипов, мифов, мистификаций. Капитализм — не просто метод эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающий в лоне рыночной экономики. Феномен нередко отождествляется с буржуазным строем, рожденным городской революцией, совмещающим образы буржуа (горожанина, гражданина, бюргера) и капиталиста. В определенном смысле капитализм — это выход за пределы экономики в пространства хрематистики, интеллектуальный, психологический, социальный прорыв, малодоступный язычнику и человеку традиционной культуры. От рынка капитализм, впрочем, отличается не столько предмет деятельности, сколько способ мышления, масштаб, цели. Это не рынок *per se*, но его особая организация. Фернан Бродель, описывая непростое явление, назвал его «противорынком», поскольку суть «в явно другой деятельности», «в неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным законом так называемой рыночной эко-

номики, не занимает подobaющего места». Арнольд Тойнби выразился еще резче: «Я полагаю, что во всех странах, где максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм в конечном счете будет навязан диктаторским режимом».

И даже привычно поминаемая «веберовская модель» дает сбои. Макс Вебер, исследуя становление современности, рассуждал о протестантских корнях капитализма. Но если внимательно вчитаться в его работы, можно извлечь существенные уточнения. Речь, к примеру, идет не столько о протестантских корнях вообще — тем более в масштабах всей Европы, а не преимущественно Германии, — сколько о кальвинистских истоках и о влиянии американских пуританских сект. Разница, впрочем, на первый взгляд не столь значительная. Более существенна оговорка Вебера о применимости рассуждений лишь к определенной фазе денежного строя, а не к процессам XX века: «<...> в настоящее время действительно не может быть и речи о какой-либо обязательной связи между <...> хрематистическим образом жизни и каким-либо целостным мировоззрением». И далее провозглашается уже нечто радикальное: «<...> капитализм, одержав победу, отбрасывает эту ненужную ему больше опору».

Загадка капитализма

Кто дал вам губку, чтобы стереть небосвод?

Фридрих Ницше

Успехи почти двухтысячелетней цивилизации Большого Модерна коренятся в христ-

анском сознании, отношении к достоинству человека, высоким и равным статусом человеческой личности, созданной по образу и подобию Творца. Христиане еще на заре новой эры называли себя *moderni*, отличая от людей предшествовавшего, ветхого мира — *antiqui*. Рожденная общностью социальная галактика реализует собственную траекторию исторического полета. Ее успехи в экономике связаны с изменившейся ролью творческого дара, феноменом новоевропейской науки, техническим прогрессом, расширенным воспроизводством.

Родовые гнезда Модернити — города-государства, области Италии (Венеция, Генуя, Ломбардия, Тоскана), а также побережье Северного моря (города Ганзейского союза, Антверпен, позже — Амстердам). Противолежащие в лотарингском лимитрофе миры Нидерландов и Венеции объединяет одно обстоятельство — это в прямом смысле рукотворные миры. В земноводье Соединенных провинций рождается альтернативная политическая конструкция, основы которой провозглашены в Генте в 1576 году делегатами 17 провинций: «Не народ создан для государя, а государь для народа. Если государь поступает с гражданами, как с рабами, то перестает быть государем и становится тираном». Принципы, заложенные в декларации, реализовывались в борьбе за Английскую республику, обретались в политконструкции Соединенных государств Америки, воплощались в ходе Великой французской революции.

Сообщества граждан-горожан, бюргеров-буржуа — объединения людей, не только со-знающих общность (*res populi*) перед лицом внешнего мира и потому заинтересованных в правильном управлении коммунальным (общим) хозяй-

ством, но также развивающих новый тип хозяйственной деятельности: интенсивное промышленное производство, приводящее со временем в числе прочих новаций к феномену города-фабрики. Варварское состояние Европы, вся сумятица Темных веков перемалываются на жерновах одолевающей упадок, преобразавшей себя и человечество городской культуры. Той культуры, которая, отвергнув мир феодальных доменов, сословного общества, породила гражданство, политическую нацию, национальное государство.

Дорожная карта Нового времени начинает отсчет маршрута именно от них — производительных городов-государств, коммунальных сообществ, проложивших путь от средоточия политических функций и экстенсивной торговли к расширенному воспроизводству мануфактур и фабрик, городскому праву и муниципалитетам, соединенным провинциям и республиканскому общежитию. Горожане-граждане формируют институты выборной власти (представительной демократии): местную магистратуру/муниципалитет, то есть избирают членов городского совета, депутатов (*deputatus* — посланный, заместитель) в парламент (*curis regio in parlamento*). С течением времени функции парламента менялись, в результате его прерогативой, помимо установления налогов и законодательных функций, стало также формирование кабинета министров (*minister* — слуга, служитель), отвечающих за различные сферы деятельности. Создаются юридические, судебские органы, в частности, парламент выступает порой в качестве суда высшей инстанции, основные же правовые положения закрепляются в конституции. Кстати, в ряде

стран сам статус горожанина освобождал от феодально-ленных связей, отменяя в том числе крепостную зависимость. Возникают политические союзы городов, насчитывающие порою десятки членов (Рейнский союз объединял свыше сотни городов).

Сумма подобных социально-политических молекул образует распределенную структуру — своего рода закваску национальных государств, перенося логику и правовые основания собственной организации на прежнюю систему правления (отчасти сливаясь с ней) и на обширные пространства, соединенные «непрерывным плебисцитом».

Такова общая формула генезиса современного (национального) государства, то есть государства эпохи Модернити как определенной исторической модели политического объединения.

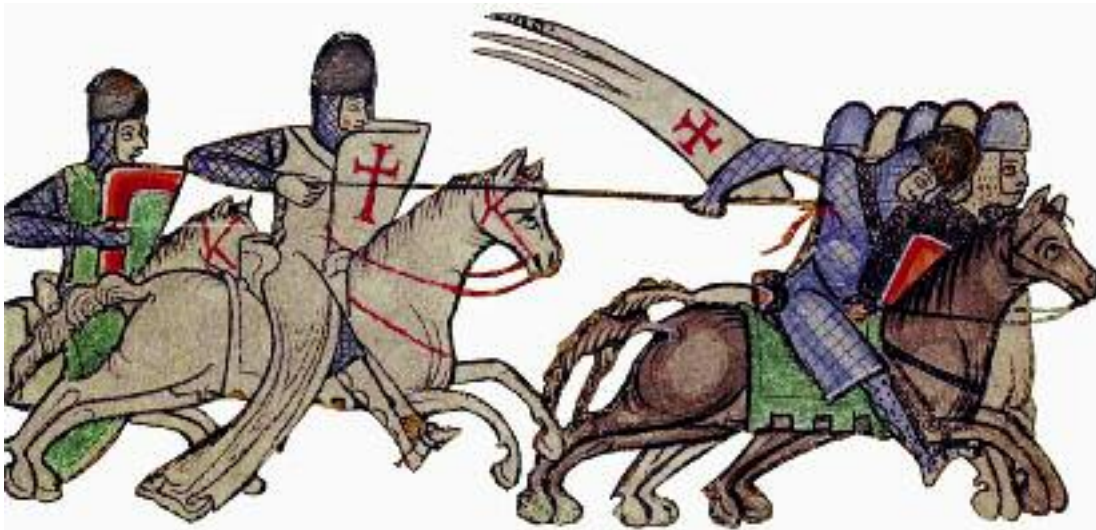
Новая эра утверждает личность самостоятельного гражданина и права общества в перманентной полемике с обстоятельствами.

С некоторого времени политические и хозяйственные механизмы начинают входить в противоречие с христианским историческим вектором и социальным идеалом. Вспоминается высказывание Ральфа Дарендорфа о природе экономического плюрализма: «Было бы неправильно предполагать, что <...> все мы движемся к одной конечной станции. Экономические культуры имеют столь же глубокие корни, как и культура языка или государственного устройства». Действительно, взгляды в перипетии политэкономического калейдоскопа, начинаешь замечать, как сквозь игры повседневности проступает облик некой *неопознанной культуры*, влияющей на бытие.

Питательная среда капитализма, его магнитное поле, силовые линии складываются в сплетении торговых сетей, финансовых транзакций и трофейной экономики крестовых походов преимущественно в приморских ареалах Европы (исключение — «сухопутный порт» ярмарок в Шампани). Капитализм — энергичная субстанция, целостная идеология, замысел и сценарий специфического мироустройства, стратегия денежного строя, сутью которого являются не само производство и торговые сделки, но комплексные операции, направленные на контроль над рынком и обстоятельствами, имеющие целью перманентное извлечение системной прибыли (сверхприбыли). Он обретает универсальную власть не через административные, национальные структуры, но посредством интернациональных экономических механизмов. Такая власть по своей природе не ограничена государственными границами и распространяется за их пределы, рассматривая Ойкумену как пространство, потенциально открытое для деятельности.

В итоге параллельно проекту построения на земле вселенского пространства спасения — *Universum Christianum* — мир-двойник создает собственный амбициозный проект, выстраивая глобальный *Pax Oeconomicana*. «Аналогия с империей в данном случае оправдана, потому что система мирового капитализма управляет теми, которые к ней принадлежат, и из нее нелегко выйти, — описывает положение интеллектуал-миллиардер Джордж Сорос. — Более того, она имеет центр и периферию, как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалисти-

ческие тенденции. <...> Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели».

Важным ингредиентом капитализма становятся разноконфессиональные толки и союзы, свободные от ограничений, налагаемых ортодоксальными институтами, прямо или косвенно оплодотворившие сложные соцветия Реформации. С развитием городской культуры, торговых, финансовых, военных коммуникаций подобные учения, сообщества, культурные коды активно распространяются в Европе: эстафета передается от павликиан и богомилов к патаренам и альбигойцам, то есть к общинам катаров и вальденсов, сопрягаясь с движением идей, людей, артефактов после катастрофы, постигшей Византийскую империю. Это также тамплиеры, активно занимавшиеся финансовой деятельностью, трансграничная организация которых — впечатляющий прообраз будущих ТНБ, ТНК и корпораций-государств.

Особо интересны в русле рассуждения вальденсы, опреде-

Важным ингредиентом капитализма становятся разноконфессиональные толки и союзы, свободные от ограничений, налагаемых ортодоксальными институтами, прямо или косвенно оплодотворившие сложные соцветия Реформации. Это, например, тамплиеры, активно занимавшиеся финансовой деятельностью, трансграничная организация которых — впечатляющий прообраз будущих ТНБ, ТНК и корпораций-государств.

ление которых разнится от «еретической секты манихейского толка» до «дореформационной протестантской конфессии», но, возможно, тут нет противоречия. В годы гонений, последовавших за альбигойскими войнами, вальденсы разделились, радикальная часть, отказавшись принести покаяние, переселилась в германоязычные страны, в Голландию, Богемию, Пьемонт, Западные и Южные Альпы, где обитали общины, уходившие от государственного христианства со времен IV века: бунтари-багауты и «состязающиеся с дьяволом» агонистики. Но и в городском многоголосье, и в труднодоступных горных местностях — местах ссылок, своего рода европейской Сибири, в суровой борьбе за выживание, пребывая под угрозой обрушения быта, утраты жизни, формируется дух протестантизма, отмеченный особым отношением к труду, повышенным вниманием к обстоятельствам, личным аскетизмом, энтузиаз-

мом, самоотречением, скрупулезностью, корпоративизмом. Развивается институт тайного прозелитизма, охвативший со временем едва ли не всю Европу — вплоть до Скандинавии и Тартарии-Руси (преимущественно через торговое пространство Великого Новгорода). Бывшие «лионские бедняки» активно внедряются в оптовую и розничную торговлю, что позволяет свободно перемещаться и устанавливать множественные связи. Контакты с вальденсами приписываются практически всем значимым фигурам дореформационного протестантизма — от Джона Уиклифа до Яна Гуса. Сектанты, изгнанные из легального мира, вынужденные жить в масках, общаться непрямым образом, обнаружили, что именно вследствие данных обстоятельств обладают серьезными конкурентными преимуществами и великолепно подготовлены для системных операций. Иначе говоря, владеют механизмом сговора, контроля над ситуа-

Община вальденсов. Миниатюра из трактата Иоанна Тинктора «О секте вальденсов». 1460 год

В городском многоголосье, и в труднодоступных горных местностях – местах ссылки, своего рода европейской Сибири, в суровой борьбе за выживание, пребывая под угрозой обрушения быта, утраты жизни, формируется дух протестантизма, отмеченный особым отношением к труду, повышенным вниманием к обстоятельствам, личным аскетизмом, энтузиазмом, самоотречением, скрупулезностью, корпоративизмом.

цией, столь необходимым для разработки и реализации многотактовых проектов, крупных, часто коллективных, капиталовложений, заключения неформальных доверительных соглашений, требующих дол-

госрочного оборота средств и деятельного соприсутствия в разных точках земли. То есть располагают инструментарием и инфраструктурой энергичного *private market* в рамках аморфного *public market*.

Эффективность механизма, многократно проверенная, со временем была усилена союзом прежней («воинской») и новой («денежной») аристократий, воплощена в феномене компаний-государств (наподобие Ост- или Вест-Индской), подтверждена развитием усовершенствованных аналогов. Доверительные корпоративные альянсы, своего рода «клятвенные союзы» различной природы продолжали существовать, модифицироваться в секулярном мире, когда прежние причины подобных форм поведения перестали существовать.

■ В XIV и XV веках происходит разделение ересей в социальном отношении. Процесс развивается параллельно с созреванием городской культуры, обустройством специфических корпораций, фемических судов, коммун, гильдий. Выделились плебейские ереси – народные религии, своего рода крестьянский *New Age* с хилиастическими ожиданиями и социалистической перспективой, ереси бюргерские и университетские. Их интеллектуальные композиции, культурные, социальные интенции проявились к концу второго тысячелетия в генезисе таких идеологических и политических конструктов, как коммунизм, фашизм, неолиберализм. (Любопытно приблизительное совпадение ареалов преимущественного распространения данных идеологий с определенными христианскими конфессиями: коммунизма и православных стран, фашизма/корпоративизма и стран католических, неолиберализма и протестантских обществ.)

В XVI веке «буржуазная религия» выходит на поверхность в феномене Реформации – второй глубокой схизмы христианской Ойкумены. Развитие

евангелического движения посвоему легитимирует ряд подспудных течений, включив в социокультурный круг протестантских объединений. Но интерес представляет не только генезис (в том числе географический), к примеру, гугенотов и кальвинистов, не менее плодотворным мог бы стать анализ конфиденциальных торговых и финансовых соглашений Нового времени, включая историю следующего поколения тайных обществ, чье мировоззрение и практика прямо противопоставляются вполне определенному «верочению толпы».

Распространяется мироощущение, характерная черта которого — деятельный фатализм, рассматривающий земное богатство в качестве зримого доказательства призвания, а успех — как признак харизмы. В средневековой Европе между тем доминировала иная логика: при обязательности труда подчеркивалось противопоставление необходимого — *necessitas* — избыточному — *superbia* — с соответствующей моральной оценкой. А стремление к наживе оценивалось как позор (*turpitude*), и даже сама деятельность профессионального торговца воспринималась как едва ли угодная Богу. Но для человека, придерживающегося новых взглядов, деньги имеют символическое значение: порой они не столько богатство или средство платежа, сколько десигнат статуса и орудие действия в чужеродном мире, инструмент управления. Экономика при данном мировидении вторична, психологически ближе оказывается рафинированная аристотелева хрематистика, но облагороженная и очищенная от низкой алчбы. (Как по несколько иному поводу категорично высказалась Маргарет Тэтчер: «Экономика — это средство. Целью же является изменение души».)

Гностицизм провоцирует искушения, сближающие практикантов с еретиками и адептами тайных наук. Романтика и горизонты цифровой культуры сливаются с каббалистикой и алхимией: экономика оказывается логистикой хрематистики, а формулы финансовой математики создают невозможные в прежней логике источники неисчерпаемого богатства — наподобие кредита последней инстанции (колонизация будущего), глобального страхования рисков (капитализация альтернативных сценариев), *n*-мерных производных финансовых инструментов (пространства трансфинитной экономики). Рожденные в подобном союзе инструменты и технологии становятся источниками силы, обладающей властью над поведением, судьбами, характером, душами людей. Горизонт планирования раздвигается, что позволяет со временем развернуть поколение высоких геоэкономических технологий.

■
Учение о предопределении — характерная черта новой веры. Именно здесь ощутимо присутствие дуализма: жесткость и отчасти механистичность новой антропологии, формирующей собственную аристократию успеха. Еще у Лютера прочитываются соответствующие категорические пассажи, причем не только в школярских черно-белых антитезах («если в нас Бог, то места для сатаны просто нет, следовательно, мы можем стремиться только к добру, если в нас нет Бога, значит его место занимает дьявол и все наши побуждения будут направлены ко злу»), но и в редких, замысловатых рассуждениях о двойственной воле Творца. О том, к примеру, что помимо явной воли Бога, которая «ищет спасения для всех людей <...>

есть и другая, несоизмеримая с первой и представляющая собой непостижимую тайну. Этой волей творится жизнь и смерть людей, этой же волей изначально решается, кому из людей будет даровано спасение, а кого ждет вечное проклятие».

Сомнения в возможности продвижения преобразования, трансценденции греховного статуса, человеческой и божественной синергии превращают личность в индивида, упрощающего сознание, эффективно практикующего ту или иную земную функцию в стремлении достичь максимального результата как доказательства избранности. Предопределение нивелирует трагизм личного усилия — попытка преодоления нарушенной природы теряет смысл, подменяясь деятельным гаданием. В результате индивид рискует фатально сузить понимание промысла и попасть в беличье колесо фетишизации успеха. Уместно вспомнить призыв к подвижничеству: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11: 12), — в сопоставлении с другой логикой из Нового Завета: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мк. 8: 36).

Критерий предназначения — синергия промысла и упования — является аспектом «лестницы в миру», подпадая под подвижнический завет: «Много званых, а мало избранных» (Мф. 22: 14). Однако тема избранничества сужается из-за коррупции тезиса о возможности свободного сотрудничества личности и промысла (предложенных житейских обстоятельств) в общем замысле о судьбе мира. И как результат — сужение категории спасения до верификации в категориях житейского благополучия. Между тем помимо реализации таланта как

профессионального мастерства призвание проявляется в наделении творческим даром *per se* вне рамок мирского успеха. Промысел, обладая совершенно иным горизонтом и уровнем свободы, предполагает судьбы, суть которых (подобно уделу Иова) может оказаться непостижимой человеческому уму, а дарованные и обретаемые таланты — пребывать вне реестров успеха и мастерства. Причем наиболее драгоценное достояние — обладание высшим даром любви — в земных обстоятельствах нередко сопряжено с уделом жертвенности и благословляется венцом мученичества.

При механистичной рационализации неисповедимого подчас промысла мир людей оказывается безнадежно расколотым, и для определения статуса в вечности — принадлежности к сообществу спасенных либо проклятых, к избранному народу *Übermenschen* или сонмищу *Untermenschen* — требуется не восхождение лестницей духа, но лишь испытание земной состоятельности. При этом милость к падшим сменяется почти ритуальным к ним презрением. «Когда-то Евангелие вызвало к жизни новую человеческую расу, — писал Эразм Роттердамский. — О том, что зарождается сейчас, я бы предпочел умолчать». В данных конструктах можно различить эскиз мира, когда произойдет, по словам Збигнева Бжезинского, «постепенное формирование все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита. <...> Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на

поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем».

Погружаясь в эти неблагое пространства, испытываешь, однако, тягостное ощущение, что в жестких эсхатологических проекциях, пусть в искаженной форме, присутствует некая значимая для души реальность: предчувствие действительного — но не земного, а иного — вселенского разделения. И черты космогонии геенны: огненного мира метафизически отверженных — мира, лишённого прежней сотериологии.

Но вернемся к перипетиям становления капитализма.

Его зарождение, первую — торгово-финансовую — фазу связывают с XV–XVII веками, хотя по ряду параметров истоки можно датировать и более ранним временем. Расцвет связан с эпохой Великих географических открытий, изменившей экономическую картографию, сместившей центр тяжести из Средиземноморья в просторный Атлантический (океанический) мир. Растущий приток драгоценных металлов, экзотичных товаров, других ценностей провоцировал изощренные формы кредитно-денежных отношений, сдвигая вектор активности в область финансовых операций и рождая такие эпохальные изобретения, как банк, вексель, ассигнация. Совершается ползучая легитимация ростовщичества. Взимание ссудного процента запрещено в Библии, осуждается исламом, подвергалось резкой критике Аристотелем, который сравнивал людей, занимающихся подобными делами, с «содержателями публичных домов». Но если первоначально в кальвинизме взимание ссудного процента приравнивалось к воровству (Гейдельбергский катехизис, во-

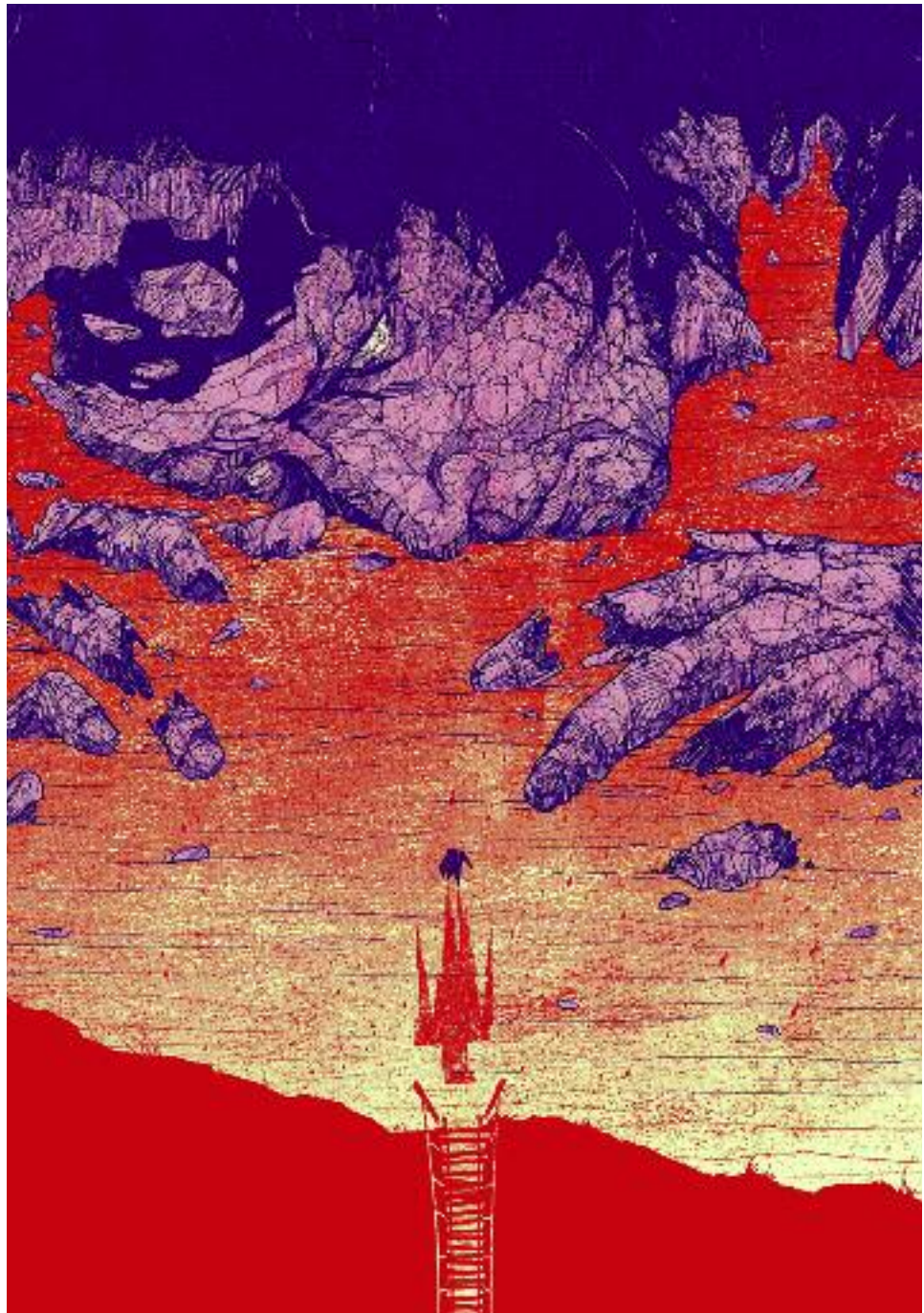
прос 110), то в дальнейшем происходит оправдание, развитие и распространение результативной финансовой технологии. Окончание торгово-финансовой фазы капитализма совпало с упрочением национального государства, которое забирает наиболее прибыльную часть деятельности — кредитование стран и правителей, приступает к самофинансированию путем выпуска государственных ценных бумаг и эмиссии валюты, особенно в форме банкнот. Капитализм успешно преодолевает кризис, занимая нишу, порой прямо отождествляемую с ним, — индустриальное промышленное производство, — что порождает ряд aberrаций.

Эта сфера хозяйственной активности развивалась в тот период по стремительно восходящей линии, с лихвой оправдывая практически любые капиталовложения и создавая на основе характерных для христианской цивилизации радикальных инноваций, перманентного технического прогресса все более обильный прибавочный продукт. От подобного стратегического союза получало выгоду также государство, чьи инфляционно-эмиссионные риски, как правило, оправдывались интенсивным промышленным развитием, ростом национальной экономики. В общем энтузиазме эпохи, звездном часе демократии, утвержденной городской революцией, временно растворяются, отходят на второй план многие негативные черты денежного строя, а особенности капитализма, действующего в христианском обществе, принимаются за черты самого феномена и наоборот.

Однако в завершающем второе тысячелетие веке индустриализм пережил как стремительный взлет, так и серьезный кризис. Сказалась ограниченность платежеспособ-

ного спроса по сравнению с резко возросшими производственными возможностями. Обилие «дешевых вещей», не уравновешенное платежеспособным спросом, вело к кризису перепроизводства, избытку рабочей силы, напряжению в обществе и как следствие — поиску средств для стимуляции потребления, развитию искусственных потребностей и взлому ограничивающих их моральных норм, культурных стереотипов, созданию механизмов массовой деструкции материальных ценностей. А также к разрушению тарифных барьеров, глобальной экспансии с целью вовлечения в процесс расширенного потребления все новых групп потребителей.

Обозначились со временем и границы хозяйственной емкости биосферы, возникла перспектива серьезного ухудшения ее качества, возможность истощения критически важных видов сырья. Но опасения в значительной мере были снижены, если не преодолены, за счет становления высокотехнологичной и постиндустриальной экономики. Инновационная экономика ослабляет значение подобных ограничений, а экономики информационная и финансовая («канторовская») их практически не имеют. В результате рост потребления природных ресурсов замедляется за счет повышения эффективности, миниатюризации и оптимизации промышленных механизмов, к тому же творческий дар в отличие от сырьевых и биосферных ресурсов возобновляем и неисчерпаем. В традиционной индустрии научно-технический прогресс нарушает систему взаимосвязей, оказывая двусмысленное воздействие на норму прибыли, в частности, из-за перманентного перевооружения основных фондов вследствие их быстрого морального устаре-

Кевин Тонг. Иллюстрация обложки издания Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» 1988 года

При механистичной рационализации неисповедимого подчас промысла мир людей оказывается безнадежно расколотым, и для определения статуса в вечности — принадлежности к сообществу спасенных либо проклятых, к избранному народу *Übermenschen* или сонмищу *Untermenschen* — требуется не восхождение лестницей духа, но лишь испытание земной состоятельности.

вания. Но что более серьезно, неконтролируемые инновации, открывающие и закрывающие технологии способны выбивать почву из-под ног сложившихся экономических организмов, целых отраслей.

Однако и в пространствах постиндустриальной экономики, ряд отраслей которой имеет виртуальный характер, таятся непростые проблемы. Здесь сталкиваются две тенденции: *оптимизационная*,

Романо Гвардини:

«В отношении христианина к Новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду обнаруживал он идеи и ценности несомненно христианского происхождения, но объявленные всеобщим достоянием. <...> Теперь, однако, двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами».

связанная с развитием информационных, финансово-правовых технологий, каталогизацией мира, становлением глобального управления; и опирающаяся на творческий дар *инновационная*, сопряженная с обретением нового знания, ведущего к качественным, скачкообразным изменениям. Со временем в инновационной динамике происходят перемены: параллельно с возростанием роли интеллектуальных технологий фундаментальные открытия — *radical innovations* — замещаются рационализациями открытий — *progressive innovations*, происходят технологизация науки, расцвет оптимизационных по своей природе дигитальных информационных и финансовых технологий, социаль-

ных и других «мягких» новаций.

Порог миллениума оказался пограничной территорией, на которой кристаллизовались стратегические замыслы конкурирующих сил. С этого времени интересы капитализма и промышленного производства, судя по всему, больше не совпадают.

Глобализм и дигитальная культура

К. прибыл поздно вечером.
Франц Кафка

Момент истины XX века — это, пожалуй, 1968–1973 годы, эпицентр социокультурной революции, обозначившей рубеж трансформации протестантского мира и выхода на

поверхность, реабилитации подспудных течений. Граница периода охарактеризована социальными мыслителями как «мировая революция» (Иммануэль Валлерстайн), «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории» (Збигнев Бжезинский), «великий перелом» (Рикардо Диес-Хохлайтнер).

В условиях позолоченного века, материального торжества цивилизации и раскрепощения человека от многих природных и социальных тягот в мировом сообществе происходят системные изменения. Светскость *per se* предстает универсальной наследницей, основанием цивилизации, ее осью и естественным пределом, носителем политической корректной версии

культуры. На глобальных просторах утверждаются нормы поведения, соответствующие данной системе. Универсальное признание суверенитета личности, вселенская деколонизация, борьба за мультикультурное общество прочитываются как процесс постмодернизационной трансформации. Секулярность же в условиях полудобровольного наложенного эмбарго в отношении глубинных истоков, не имея энтузиазма прежней традиции, подвергается пассивному воздействию со стороны как неоязычества, так и фундаментализма различных толков.

В трансформации глобального капитализма выделяются несколько существенных факторов. Это появление «новых денег» (логическое завершение многовекового процесса порчи монеты), превратившихся в меру символического капитала и инструмент управления. Доллар, утратив рудименты золотого стандарта, мутирует в не обеспеченный ликвидностью алхимический кредит последней инстанции. Реализуются масштабные финансово-правовые технологии: перманентный глобальный долг, программы структурной адаптации, производные финансовые инструменты, экзотичные дигитальные операции, экспансия систем управления рисками и нематериальными активами, высокотехнологичная деструкция... Разворачивается революция в микроэлектронике, телекоммуникациях, информатике, произведя на свет не ограниченный физическими пределами виртуальный космос. Появляются сеть ARPANET как прообраз Интернета, система глобальной биржи, спутники связи, микрочип, персональный компьютер, мобильная телефония, универсальные коды (UPC-A, EAN-13) — эскизы глобального каталога

объектов собственности, товаров, людей. Происходит перестройка социального космоса на основе неолиберальной идеологии, предполагающей эмансипацию экономики из-под суверенитета государства, создание новой политической оболочки планеты.

Специфику новой формулы мировой (теперь «глобальной») экономики можно определить следующим образом: если до некоторого момента она представляла сумму национальных экономик, которые были самостоятельными субъектами, действовавшими на глобальном поле, то теперь ситуация переворачивается. Появляется глобальный субъект — штабная экономика, — которая, действуя на национальных площадках, превращает их в объекты. Вскоре утверждается практически единый тип хозяйствования, формализуется глобальный рынок, складывается эффективная система перераспределения мировых ресурсов и доходов.

Все эти тенденции позволяют очертить контур третьей (после торгово-финансовой и промышленной) фазы капиталистической мир-экономики — геоэкономической. Ее стратегическая цель — радикальное освобождение экономики от гнета этатистских политик, а в сфере экономической практики — получение системной прибыли не столько за счет теряющего привлекательность промышленного производства (как когда-то произошло с торгово-финансовыми операциями), сколько в результате развития многообразных форм контроля над хозяйственной деятельностью в глобальном масштабе. Форм, позволяющих собирать обильную квазицену со всех видов практики (наиболее простым, хотя и частным, примером чего могут служить знаменитые ножницы цен).

Происходит инверсия, возврат на глобальном уровне к алгоритмам торгово-финансовой фазы. Это позволяет осуществлять системные операции в едином пространстве, реализовывать коды управления в мировом масштабе. Технические прогресс и финансовые технологии вкупе с обновлением организационных схем придают капитализму второе — если не третье — дыхание. Этатистский («социалистический») эксперимент XX века получает несколько неожиданную перспективу: опыт коммунистического Постмодерна можно рассматривать как футуристический порыв — отрицание публичной власти ради полуанонимной, законодательно нечетко фиксированной, но фактически тотальной власти организации — треста или госкорпорации, — которая через назначаемых управляющих (номенклатуру) контролирует пространство страны, региона, мира. Ситуация, когда крупная транснациональная корпорация направляет деятельность марионеточного правительства третьего мира, оказывается как будто лабораторной процедурой.

Создавшееся положение — своего рода завершение гегелевской триады становления глобального капитализма, где роль антитезы сыграл его временный союз с христианской инновационной динамикой и промышленной революцией. Институциональный финал триады может произвести конвергенцию стилей, проявив их неочевидную сегодня типологическую родственность, вскрыв интригующие горизонты корпоративного, рукотворного универсума. Моделью выстраиваемой геоэкономической конструкции (геокона) может послужить многоярусный китайский шар — своеобразный аналог гебдомов гностического космоса.

Геокон последовательно соединяет хозяйственные диады (сизигии) в единую сложно-подчиненную конструкцию экономистического универсума.

На нижнем — географическом — уровне: добыча сырья и его использование природозатратной индустриальной экономикой. Другой — более высокий — локус: производство интеллектуального продукта и его высокотехнологичное освоение. На транснациональном ярусе — производство финансовых ресурсов вкупе с технологией универсальной процентной дани в качестве механизма управления экономическими и другими объектами, в свою очередь плодящими потребность в данных ресурсах. Но трансгранична также изнанка геоэкономической конструкции: сдерживаемый цивилизацией порыв к деконструкции — инволюционному, хищническому проеданию созданного человеком или предоставленного природой потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, — а также контроль над асоциальной практикой. Отсюда в легальный сектор продвигаются правила игры, выходящие за пределы обозначенных Адамом Смитом ограничений «невидимой руки», в которых правовой (и тем более моральный) контекст утрачивает значение. Наконец, на верхнем этаже расположена все еще пребывающая в становлении паутина штабной экономики.

Система глобального управления метаэкономикой утверждает регламенты «самой большой игры», финансово-правовое и специфическое силовое регулирование. Ее цель — унификация источника легальных платежных средств, тотальный контроль за их (равно как и ресурсных потоков) движением, интеграция и глобальная диверсификация

налоговых платежей. Всё это позволяет превратить земли геэкономического универсума в плодородную ниву — волшебный источник обильной квазиренты.

■ Торжество денежного строя, его влияние и амбиции стать мерой человеческой практики свидетельствуют о кризисе христианского универсума, но также и об истощении прежней пассионарной доминанты атлантической цивилизации — ее протестантского вектора. Идеалы меняются: строители уходящей в дурную бесконечность конструкции говорят на едином для стран и народов языке финансовых операций, обретающих силу естественных законов бытия. А социальная анатомия демонстрирует принципы и цели, в прошлом неразличимые, смутно предчувствован-

ные всеобщим достоянием. Повсюду он сталкивался с тем, что

Абраксас – верховное гностическое божество, олицетворяющее единство времени и пространства

ворачивает с ног на голову архитектуру хозяйственной пирамиды. И повергает в прах как логическую эквилибристику Кальвина, так и забытую оговорку Адама Смита: «Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости» (курсив мой. — А.Н.), предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса». Замечание о «законах справедливости» — ключ к аксиологии невидимой руки, под которой подразумевалась не безличная, механическая сила, но рука Божия.

Финансовый успех — уже не просто признак благодати, но сама благодать, проистекающая из единого центра — квазиплеромы кредита последней инстанции, перераспределяемой нисходящими божествами-архонтами — управляющими средне- и краткосрочными сценариями. При этом

нижнее божество использует ее в низменных и преступных целях. В трансфинитной среде виртуальных операций, круговороте обретающих плоть цифр и множеств, взвешенных устремлений и просчитанных порывов финансовые ресурсы, заменив харизму, определяют статус индивида, диапазон легальных возможностей, положение в обществе, да и само общество, претендуя стать творческими энергиями — источником созидания/уничтожения.

Финансовый успех в качестве мерила личности и главного критерия общества становится универсальной шкалой, но по-настоящему крупный успех выше личных и социальных

Финансовый успех в качестве мерила личности и главного критерия общества становится универсальной шкалой, но по-настоящему крупный успех выше личных и социальных усилий, он за пределами труда и морали и является признаком особой благосклонности воплощенного Абраксаса.

ные под флером христианской культуры. Прежние ценности переживают не столько девальвацию, сколько коррупцию, выступая в роли симулякров, скрывающих под ставшими ветхими одеждами иные смыслы. Семантическое двоевластие, возможно, продлится недолго: «В отношении христианина к Новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду обнаруживал он идеи и ценности несомненно христианского происхождения, но объявлен-

было изначально присуще христианству, а теперь обращено против него. Откуда было ему взять уверенности и упования? Теперь, однако, двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами», — писал более полувека назад Романо Гвардини. Спекулятивный характер финансовой деятельности пере-

усилий, он за пределами труда и морали и является признаком особой благосклонности воплощенного Абракса-са. Все это — по крайней мере, в эстетических категориях — напоминает строительство вселенского лабиринта — опрокинутой в глубины мирской плоти эшеровской версии вавилонской башни. Или воссоздание мистифицированного кафкианского Замка, чей центр невидим, а власть — везде. Кодовым же ключом к конструкции земных иерархий является та самая модель политкорректного Севера — мирового града — в обрамлении проклятых земель мировой деревни с не вполне легитимной и подведомственной властью.

Ценности Постмодерна (ярлык транзита) не удастся свести к наличествующей на рынке идеологии, влиятельному мировоззрению или культурному кругу. Мы присутствуем при зарождении исторической альтернативы с иным мировидением, аксиологией, историческим горизонтом, логикой институтов. Но в таком случае происходящее есть не что иное, как «вертикальное», диахронное столкновение цивилизаций: не с культурами, известными и засвидетельствованными летописцами, но с неопознанным призраком, бродящим по планете. Иначе говоря, истинный оппонент Модерна — неопознанная культура, идущая то ли из сокрытых земель будущего, то ли из подсознания человечества и полузабытых глубин истории.

Дистопия

Динамизм новых миров всегда свидетельствует об их превосходстве над страной исхода: они осуществляют идеал, который остальные втайне лелеют как конечную и недостижимую цель. <...> Внезапное появле-

Токи культурной деколонизации, глобальной революции масс пронизывают не только внешнее пространство Модернити, но и внутренние территории. На планете набирает силы творческая деструкция, чьи симптомы видятся в нарастании суммы цивилизационных рисков, моральном релятивизме, высокотехнологичном произволе, кадмовых зернах неоархаики.

ние подобного общества на карте сразу упраздняет значение обществ исторических.

Жан Бодрийяр

Будущее — особое пространство: существует исключительно в потенции, меряется разной мерой, обладает оригинальными атрибутами. Даже время — субстанция, столь органичная для данной категории, — понимается несхожим образом, да и течет для разных субъектов с различной скоростью. Перемены — синкопы живой тектоники в засушливых землях практики, чья телесность предопределена конъюнктурой цен на кровь, сырье, урожай. Настоящее — не слишком предсказуемая, но улавливающая помехи нить осциллографа, прошлое — истрепавшийся каталог проб и ошибок.

Антагонист существующей формулы власти — пассионарная, суверенная констелляция людей, нередко асоциальная по отношению к существующим формам общественных связей, или, по крайней мере, критически к ним настроенная, либо иным образом отделяющая себя от прежней среды, объединенная дерзновенным прочтением топографии будущего. Это субъект, агент перемен, «малая динамичная общность», закваска, с пользой для себя впитавшая достижения проектной культуры, совершающая масштабную социальную революцию, переиначивающая форматы повседневности и смысловые пространства уходящего мира.

Человек новой культуры выходит за пределы религиозного патернализма, социального,

Питер Брейгель Старший. Пейзаж с падением Икара. 1555–1558 годы

Культура смерти обретает глобальную геометрию. Гибельный восторг и азарт не жертва, но особая мания. Этот огненный призрак – протуберанец клоаки, согласившейся воспеть гимн чуме, восславив деструкцию как главную, финальную и желанную цель творения.

культурного контроля «над разумом и языком», за пределы прежних форм культурного и психологического программирования действий. Он растает при этом не только с оболочкой обрядности и суеверий, подавлявших волю, но со всем прежним прочтением традиций, реализуя практическую и метафизическую свободу, равно как свободу выбора существования вне какого-либо зримого метафизического модуса. Это позволяет по-своему перетолковывать основы бытия, выявлять и проявлять истинную сущность, какой бы та ни оказалась.

Люди становятся суверенами, деятельно формирующими пространства культурной и социальной картографии, произвольно очерчивающими рубежи театра будущих дей-

ствий, который в одном из важнейших аспектов можно определить как власть без государства.

■ Диапазон прочтений будущего весьма широк, что естественно для проявлений свободы, выплескивающейся за очерченные прежде рамки. Сегодня можно разглядеть перспективы, неведомые историческим ландшафтам. Террористическая активность, индивидуальный акт деструкции становятся спутниками в новом мире, будучи в основе извращения тенденций к децентрализации и индивидуальной свободе: это своего рода обугленный остов обостренной гражданской инициативы в тотально недружелюбной, агрессивной среде. Фрустрированная личность, от-

чужденная от общества, но наделенная социальным инстинктом, сама отчуждает подобный мир от бытия, пусть даже ценой аннигиляционной вспышки. Дело не в полной смене цивилизационного кода, но в изменившихся обстоятельствах и возможностях масштабной реализации внутреннего выбора. Это совершенно иной модус цивилизации, лишенной привычных нравственных границ.

Во что превратится мир, когда «империи рухнут и армии разбегутся»? Станет ли *Novus Ordo* всеобщим благом – мирным соседством льва и лани, согласно провидению (апокалипсису) Исайи? Или нынешний транзит – пролог иного по духу эона, воскрешающего сохраненные в глубинах подсознания сюжеты?

Токи культурной деколонизации, глобальной революции масс пронизывают не только внешнее пространство Модернити, но и внутренние территории. На планете набирает силы творческая деструк-

ция, чьи симптомы видятся в нарастании суммы цивилизационных рисков, моральном релятивизме, высокотехнологичном произволе, кадмовых зернах неоархаики. Локомотив же модернизации, подорванный на очередном перегоне, грозит увлечь состав под откос. Прежний мир развоплощается, диверсифицируется, его обитатели утрачивают статус, социальные, политические, финансовые, знаниевые институты трансформируются в облачные комплексы — суммы взаимодействий, реализуемых все чаще неформальным образом.

Возникает призрак диффузной среды, в которой конфессии замещаются сектами, толками, тайными орденами, политика пронизывается операциями спецслужб, политехнологов, командос, экономика конкурирует с финансовым производством, оперирующим актуальной бесконечностью и новыми платежными средствами, культура вытесняется индустрией электронных и химических грез, гравитацией комфорта, иллюзиями.

■

В чем тут уголек? Гностическая культура отрицательно относится к жизни как таковой, рассматривая уничтожение земного бытия как акт освобождения. Ее метафизические мотивации устремлены к тотальной деструкции, поскольку адепты несут в себе божественные искры, которые могут быть освобождены посредством уничтожения тел.

Эпизоды сценария проглядывают сквозь прорехи былых утопий. Перспектива деконструкции цивилизации все чаще рассматривается наряду с иными версиями сюжета: у темной культуры свои интимные аспекты, способные радикально менять траекторию жизни, перевернуть привыч-

ную шкалу ценностей.

Проклюнувшаяся культура смерти — выходящая из глубин подсознания в сферу практики тяга к массовой деструкции и самодеструкции. Влечение, носящее, казалось бы, иррациональный характер, однако использующее достижения технической цивилизации, симптоматика же проявляется в диапазоне от событий 11 сентября до эпидемии перепоясанных смертью вестников. «Одни верят в жизнь, другие — в смерть. Я верю в смерть», — слова «живой бомбы», которой помешали сопроводить смерть в центр Москвы.

Культура смерти обретает глобальную геометрию. Это не только война сильных против бессильных или слабых против сильных, но всех против всех. На планете разворачивается пространство операций по контролю и распределению котирующегося на мировом рынке товара — ресурса смерти. Для многих обитателей Земли жизнь и карьера — почти синонимы, цель — комфорт и безопасность, то, что укладывается в прагматичные, подчас незатейливые формы существования. Но отринувшей житейский флер культуре чуждо подобное восприятие повседневности: вершина ее карьеры — амбициозная, эффективная и эффективная гибель, потенциально с невиданными последствиями. И это не пустая геростратова амбиция, темное дерзновение скреплено чувством, которое не требует ярмарочного признания. Гибельный восторг и азарт не жертва, но особая магия. Этот огненный призрак — протуберанец клоаки, согласившейся воспеть гимн чуме, восславив деструкцию как главную, финальную и желанную цель творения.

Конструкции прежней цивилизации поколеблены, покрылись трещинами, надломи-

лись. Из щебня, обломков извергаются кочующие астероидные кланы. Пережив неустойчивость родной почвы, устремленные в неизвестность осколки планет врезаются в тела иных стран и весей. Этажом выстраивается вертикаль вселенского олимпа, собирается воздушный флот Новой Лапутании, на летучих островах которой заключаются симпатические сделки, образуются химеричные альянсы, справляются алхимические свадьбы. Мы наблюдаем мерцание блуждающих звезд, слияние подвижного, синкретичного сообщества, но все это — фрагменты футуристической истории и лишь отчасти видимой картины.

История, нанося удары, творя зигзаги и прорывы, ускорения и перестройки, расплачивается особой валютой — опытом. Прочерчивая картографию постсовременного глобуса, исследователь задумывается над вопросом: что принесет утверждение новых ценностей, что за правила сложатся на планете? Станет новый век постхристианским эоном, или ситуация двусмысленного транзита — лишь причудливая метаморфоза той же цивилизации? Как будут сочетаться разноликие реальности в одном эоне? Можно ли сохранить личность в космосе Нового Ренессанса — в хаосе свободы для страстей и разобщенности вне героического утешения?

Завершая экскурс, посвященный опознанию корней Нового мира, начал его аксиологии и дальней границы, экскурс, нитью которого явилось стремление скорее очертить проблемные поля, нежели дать ответы, замечу, отталкиваясь от формулы Чеслава Милоша о причинах и свершениях: временами пристальный взгляд, брошенный в прошлое, позволяет узреть фрагменты невероятного будущего.

Вадим Борисович Прозоров –

заместитель главного редактора научного
и общественно-политического альманаха
«Развитие и экономика»

Nihil novi, или Носорог секуляризма

1

Как простец, дивясь смене понтификов в Ватикане, я полагал бы, что папа Бенедикт ушел именно по той причине, которую он назвал, — преклонный возраст и немощь. К этой немощи можно, разумеется, пристегнуть разные идеологические и политические мотивировки отречения или назвать его проявлением идеологической и политической немощи, паралича воли. Кардинал Ратцингер и не стремился занять кафедру святого Петра. Когда ему исполнилось 70, он, будучи префектом важной конгрегации Римской курии, просил Иоанна Павла II освободить его от тягостного бремени и отправить туда, где он всегда чувствовал себя привольно, — в Ватиканскую библиотеку, чтобы он мог «посвятить себя исследованию интересных документов и материалов <...> подлинных шедевров, способствующих раскрытию истории человечества и христианства». Впоследствии папа Бенедикт вспоминал это прошение и сокрушался от того, что оно не было удовлетворено.

Стремясь избежать избрания, Йозеф Ратцингер выступил истинным григорианцем, следуя примеру, явленному преемникам святого апостола Петра отцом Церкви и римским епископом Григорием Великим, который, по легенде, даже бежал из Вечного города, чтобы не стать папой и не утратить заветное равновесие, обретенное в уединенной созерцательной жизни. Но, как и в случае с Григорием, для Ратцингера все было предрешиено.

Через 7 лет после избрания папа Бенедикт продолжал помнить о последних годах понтификата Иоанна Павла II и, страдая от своей немощи и не желая подвергать Церковь испытанию в высокотоксичной среде секулярного мира, запросился на покой. Он ушел, а новым преемником святого апостола Петра избрали кардинала и архиепископа Буэнос-Айреса Хорхе Марио Бергольо. Это прелат давно известный, уважаемый в Новом и Старом свете, простой и правильный, умеющий принимать взвешенные, благотворные и порой нелицеприятные решения.

Его избрание никоим образом не должно привести к большим переменам в Католической церкви, положить начало всеохватывающим реформам или означать появление новой парадигмы папства. Он не из тех, которые рубят с плеча и увлекаются химерами. Да и нужды такой нет для Католической церкви, которая по-прежнему твердо стоит на скалистом основании, невзирая на бушующие вокруг штормы.

Пока складывается впечатление, что все останется как прежде — в русле традиционной политики Римской церкви, определенной Вторым Ватиканским собором и скорректированной постсоборными понтификами, а комиссии по реформам, усовершенствованиям и обновлениям в определенных областях всегда были и будут создаваться впредь для того, чтобы выполнять свои частные задачи с той или иной долей успеха, например, реформировать Институт религиозных дел —

Избрание Хорхе Марио Бергольо никоим образом не должно привести к большим переменам в Католической церкви, положить начало всеохватывающим реформам или означать появление новой парадигмы папства. Да и нужды такой нет для Католической церкви, которая по-прежнему твердо стоит на скалистом основании, невзирая на бушующие вокруг штормы.

так называемый Банк Ватикана, хотя он и без того приносит Святому престолу стабильный и немалый доход. Наблюдатели-конспирологи, насочинявшие занятные истории о связях масонских лож, мафии, Ватикана и недавно символично усопшего «черного папы» Джулио Андреотти, придают этому банковскому делу ключевое значение в устройении будущего Католической церкви. Для папской же канцелярии это рутинная процедура финансового тюнинга, практикуемая со времен позднеантичных латеранских казначеев-аркариев.

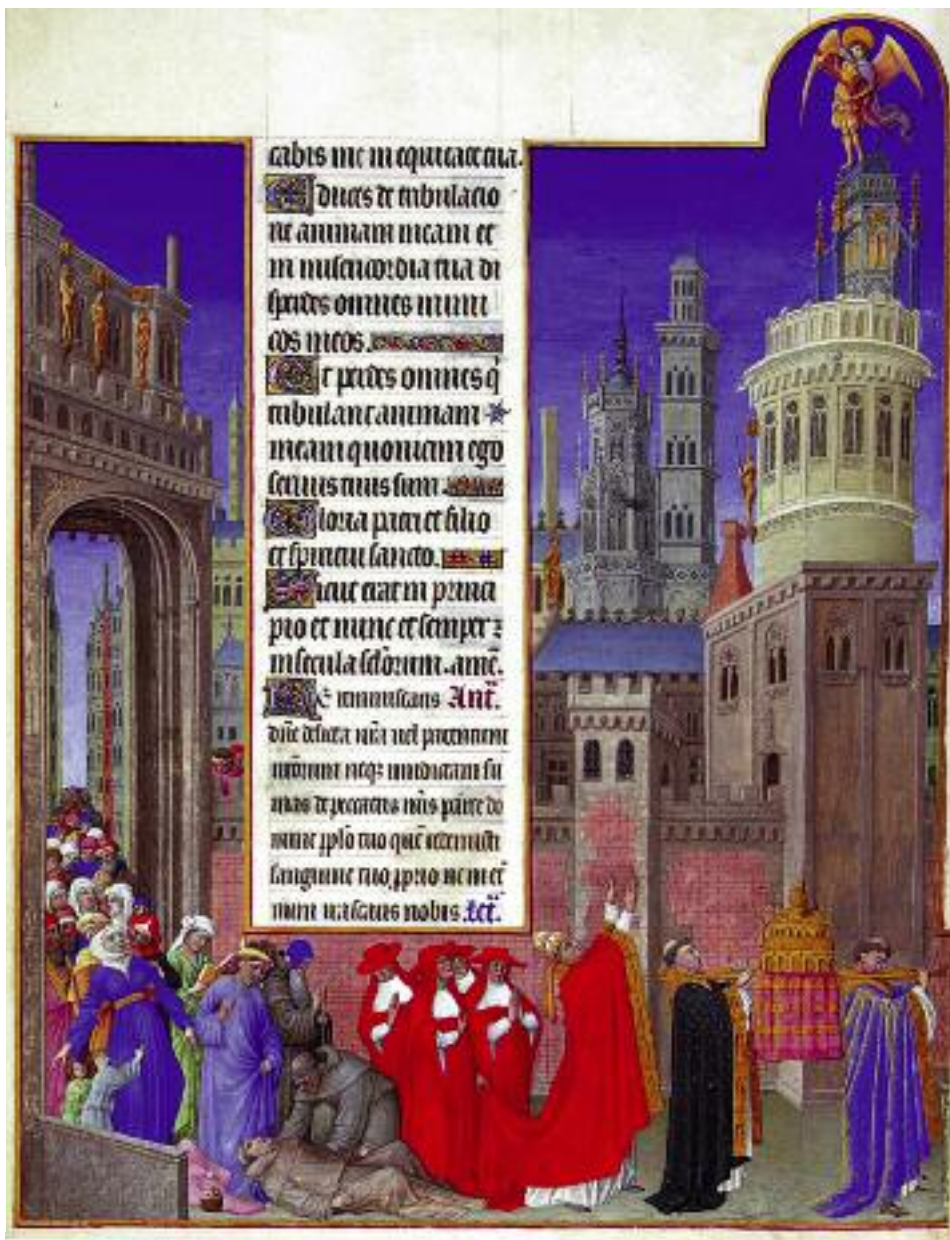
2

Если вообразить себя посвященным и попытаться читать

знаки, которые были поданы Ватиканом в последнее время, то может предстать такая картина. Поверим педофилам пера, насилующим младенческое чистодосочное сознание современного мира картинами грядущих мировоззренческих и социальных катастроф, и вообразим себе Католическую церковь в преддверии кладающей острыми зубищами необъятной пасти дьявольски секулярного мира. В такой ситуации нужно накопить силы, сосредоточиться, сплотиться, чтобы противостоять адскому врагу — духу разобщения, индивидуализма, ненависти, одиночества и «спиритуальной светскости».

Некогда один великий папа, вступив на римскую кафедру в пору жесточайшего мора, на-

Процессия Григория Великого. Часослов герцога Беррийского. XV век

Когда папа поравнялся с мавзолеем Адриана, воздвигнутым на берегу Тибра, над гробницей императора (теперь здесь Замок святого ангела) появился архангел и вложил свой меч в ножны, подав тем самым знак, что мольба римлян, вновь ощутивших себя единым телом, услышана на небесах. Чума прекратилась. Подобного подвига могут ждать католики от нынешнего папы.

шествия иноплеменных и прочих напастей, вывел весь Рим на крестный ход. Процессия двигалась через Вечный город от Латерана к старой базилике Святого Петра. Многие падали замертво. Живые продолжали брести, вознося свои моления Богу. Когда папа поравнялся с мавзолеем Адриана, воздвигнутым на берегу

Тибра, над гробницей императора (теперь здесь Замок святого ангела) появился архангел и вложил свой меч в ножны, подав тем самым знак, что мольба римлян, вновь ощутивших себя единым телом, услышана на небесах. Чума прекратилась. Подобного подвига могут ждать католики от нынешнего папы. Ватикану

понадобятся чудесные силы, чтобы сладить с секулярной смутой и оправдать надежды миллионов верных.

Новый папа, как неоднократно подчеркивалось, иезуит. В связи с этим возникает (по крайней мере, в моем воображении) определенная апология его понтификата, зиждущаяся на мистическом основании католической традиции. В XII веке в Южной Италии жил один цистерцианец. Его считали мистиком и визионером, подозревали в ереси и миллениаризме, он же утверждал, что он ученый, пытающийся вывести исторические законы на основании Священного Писания.

Он предложил разные варианты интерпретации истории, один из которых предусматривал ее разделение на три эпохи, отчасти накладывающиеся друг на друга так, как это было изображено в его «Книге фигур». Это была проекция божественного триединства на человеческую историю. Соответственно первый этап — это эпоха Отца, второй — Сына и третий — Духа Святого. Эпохи перекрещиваются, взаимно проникают друг в друга, и потому их границы оказываются размытыми. Недоброжелатели ученого цистерцианца видели в последнем периоде тысячелетнее царство Божие на земле, предваряемое невиданным доселе столкновением добра и зла.

Каждой эпохе в этой троице были свойственны свои движущие силы — новые люди, деятельность которых формировала общественный строй и церковный порядок. Именно они прокладывали пути эвангелизации в христианский период. Такими силами этому средневековому монаху представлялись монашеские ордена, выражавшие главные чаяния своего времени и способные отвечать на его вызовы. Последующая неискоре-

Сожжение тамплиеров. Миниатюра из рукописи Джованни Боккаччо
«О несчастьях знаменитых людей». Около 1479–1480 годов

Возможно, иезуитам предстоит выступить одновременно проповедниками-францисканцами XXI века и администраторами-тамплиерами, некогда преданными и уничтоженными «проклятым» глумливым французским монархом и папой-основоположником «авиньонского пленения». Кстати сказать, против тех тамплиеров использовалось излюбленное оружие секулярного мира – обвинения в финансовых махинациях и плотских извращениях: тогда это была содомия, теперь же Церковь терзают подозрениями в укрывательстве священнослужителей-педофилов.

мира, а сочувствующие – как очередное проявление живой и творческой идеи реформы, духа усовершенствования и обновления, присущего западному христианству и не раз явленного в его истории.

Один из архитекторов Второго Ватиканского собора – крупнейший католический богослов, кардинал-иезуит Анри де Любак – написал

двухтомное сочинение о духовном влиянии упомянутого выше монаха-цистерцианца, высоко оценивая его исторические изыскания, наблюдения и прозрения. После Второго Ватиканского собора де Любак упрекал Ратцингера за то, что его лоббистское рвение уничтожило одну из важнейших конгрегаций Римской церкви – Священную канце-

лярию, возглавляемую папой и являвшуюся главным инструментом управления Католической церковью. Она превратилась в конгрегацию вероучения, префектом которой с 1981 по 2005 год был кардинал Ратцингер. И вот теперь хорошо знавший де Любака его единомышленник и собрат Хорхе Бергольо сменяет на кафедре святого апостола Петра папу Бенедикта. Бенедикта заменяет Франциск. Должны ли мы видеть в этом сознательном выборе нового папы не только знак почитания великого святого, залог простоты и доступности римского епископа (именно так – а не папой – предпочитает титуловаться Франциск) и сигнал о его особом попечении о бедных, но и указание на то, что на смену созерцательно-ученому понтификату Ратцингера идет активно-проповеднический понтификат Бергольо, в котором иезуитам суждено еще раз сыграть роль «новых людей», движущей силы новой эпохи?

3

Пока папой Франциском заданы две цели для этой новой эпохи – евангелизация и реформа ватиканской администрации, а точнее – обновление апостольской конституции «Добрый пастырь» 1988 года, которая преобразила конфигурацию центрального управления Католической церкви, сложившуюся после Второго Ватиканского собора. Нет сомнений в том, что обе задачи имеют первостепенное значение для Церкви и взаимосвязаны, ибо без четкой коммуникации центра и регионов, без взаимного уважения и доверия в их взаимоотношениях невозможно создать благоприятные условия для евангелизации.

В истории папства широкомасштабные административные реформы часто станови-

лись предвестниками серьезных преобразований и потрясений европейского масштаба. Например, замена мирян монахами в администрации римского епископа при Григории Великом, ревностном стороннике и пропагандисте монастырского устава святого Бенедикта, ознаменовала формирование того средневекового христианского Запада от туманного Альбиона до Геркулесовых столбов, к которому мы все привыкли и который нам мнится между строк на пергаменте древних рукописей. Административные реформы в Римской церкви XI века послужили началом жестокого столкновения империи и папства, стремившегося обуздать «носорога светской власти». Победа папского единоначалия над соборным коллегиальным управлением на Базельском соборе разожгла костры Реформации. Что сулят административные реформы на этот раз? Удается ли Католической церкви стреножить носорога секуляризма? Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько успешным будет претворение в жизнь призыва папы Франциска к новой «сладостной и отрадной радости евангелизации». На этом поприще Западная церковь достигла впечатляющих результатов, и хотя значительная часть Европы последние полвека диссидентствует, тут у папы все же есть основания для оптимизма. Воинствующий секуляризм жизнеспособен до тех пор, пока его адепты пресыщены и потому сохраняют особую индивидуальность, «духовную светскость», завоеванием которой так гордится современный мир. Как только этот чумной пир закончится и наступят иные времена, церковное общение будет восстановлено и здесь. Новому варварству не удастся выскоблить пергамент, на который

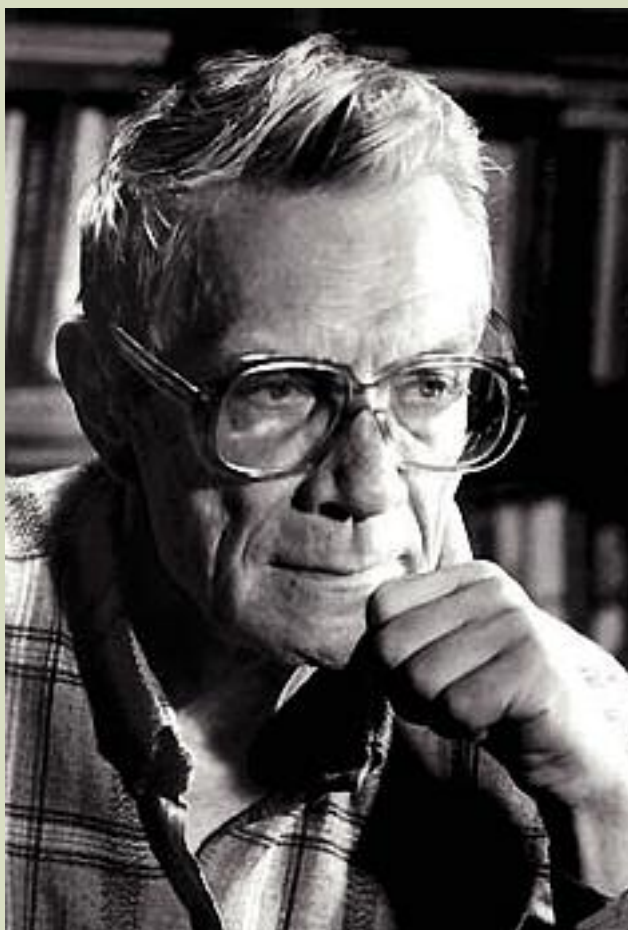
нанесены сакральные письмена прошлого. Это явление не органическое, оно силиконовое. В нем, как будто в силиконе, болтаются обрывки идей, мыслей, вопросов и ответов, но из этой каши не родится целостное мировосприятие, отсюда вытекает неспособность современности к идейным диспутам, ее готовность к шельмованию и травле.

Что же касается Нового света, представителем которого является и сам Франциск, то здесь католическая вера доказала свою стойкость в условиях жестоких диктатур и в столкновениях с прельстительными идеями «теологии освобождения», которой, тем не менее, даже политические колоссы типа Чавеса не помогли скрестить носорога с единорогом. И здесь иезуиты проявили и проявляют себя с самой лучшей стороны.

В архиве конгрегации пропаганды веры на Пьяцца-ди-Спанья в Риме хранятся бесчисленные тома донесений иезуитских миссий и служб из разных уголков мира. Свойственные им четкость и трезвость, глубина анализа и взвешенная вариативность предлагаемых действий свидетельствуют о том, что иезуиту по плечу исполнить обе задачи, стоящие ныне на повестке дня. Возможно, иезуитам предстоит выступить одновременно проповедниками-францисканцами XXI века и администраторами-тамплиерами, некогда преданными и уничтоженными «проклятым» глумливым французским монархом и папой-основоположником «авиньонского пленения». Кстати сказать, против тех тамплиеров использовалось излюбленное оружие секулярного мира — обвинения в финансовых махинациях и плотских извращениях: тогда это была содомия, теперь же Церковь терзают подозрениями в укрывательстве свя-

щеннослужителей-педофилов. Сильным подспорьем в евангелизации является социальное учение Католической церкви, основанное на идеях социальной справедливости, милосердия и солидарности. Для осуществления этого учения недостаточно одних институтов и орденов. Хотя они неустанно стараются воплотить его в жизнь. Например, Мальтийский орден, созданный некогда для охраны и врачевания паломников к иерусалимским святыням, продолжает исполнение своей миссии в современном мире — в разных его концах и в любых, порой самых невероятных, условиях. Исполнение многих социальных программ ООН возложено именно на Мальтийский орден, обладающий прекрасно отлаженной инфраструктурой в мировом масштабе. Поэтому назначение рыцаря этого ордена главой так называемого Банка Ватикана воспринимается в католическом мире как добрый знак дальнейшего переосмысления Ватиканом задач социального служения Церкви.

Исполнение социальной программы требует всеохватности, здесь следует навалиться всем миром. Если уж рассуждать совсем идеалистически, то Католической церкви нужен папа-харизматик, который в каком-то смысле явил бы чудо, провозгласил бы крестовый поход за милосердие и социальную справедливость, который сплотил бы католиков во имя спасения добрыми делами. Иными словами сейчас необходим не замечательный святой Фома Аквинат в лице Йозефа Ратцингера, а святой Франциск, который вдохновенно и прозорливо сможет поднять католиков — прежде всего европейцев — на дела благотворительности, милосердия и христианской солидарности для их же спасения.

Вадим Кожинов

Из книги «Черносотенцы и революция»

«Тот очевидный факт, что сегодня так или иначе продолжается политическая и идеологическая борьба, начавшаяся на рубеже XIX–XX веков (например, если выразиться наиболее кратко и просто, борьба между “капитализмом” и “социализмом”), побуждает прийти к существенному выводу: история России XX века (в отличие от истории XIX и предшествующих веков) еще не стала для нас в истинном смысле слова прошлым, мы еще в сущности не можем смотреть на нее из действительного будущего – то есть из иной, “новой” исторической эпохи, наступающей тогда, когда итоги предыдущей так или иначе подведены и о них в самом деле можно судить беспристрастно.

Всякое государство организуется и строится своим ведущим слоем, живым отбором своих правящих сил. Всегда и всюду правит меньшинство: в самой полной и последовательной демократии – большинство не правит, а только выделяет свою “элику” и дает ей общие, направляющие указания. И вот

судьбы государств определяются качеством ведущего слоя: успехи государства суть его успехи; политические неудачи и беды и беды народа свидетельствуют о его неудовлетворительности или прямо о его несостоятельности – может быть, о его безволии, безыдейности, близорукости, а может быть, о его порочности и продажности. Такова судьба всех народов: они расплачиваются унижениями и страданиями за недостатки своего ведущего слоя. Однако эти унижения и страдания являются не только тягостными последствиями совершенных ошибок или преступлений; они являются в то же время подготовкой будущего, школой для новой элиты; они длятся лишь до тех пор, пока эта новая национальная элита не окрепнет религиозно, нравственно и государственно. В этом – смысл исторических провалов, подобных русской коммунистической революции: в страданиях рождается и закаляется новый дух, который в дальнейшем поведет страну».

Александр Зиновьев

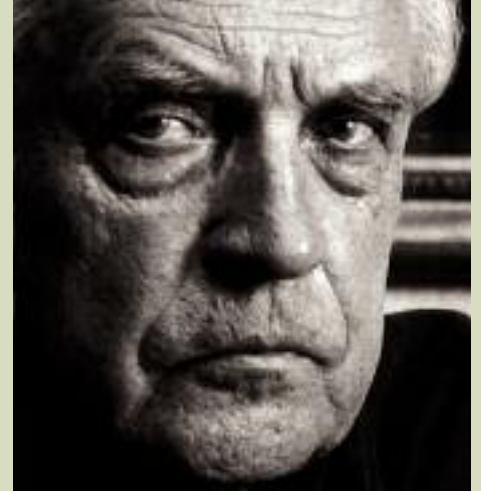
Из книги «Русская трагедия (гибель утопии)»

«Сложившаяся на планете ситуация с полной очевидностью обнаруживает то, какую огромную роль в жизни, в эволюции человечества играет идеология. Без коммунистической идеологии была бы невозможна победа революции и построение коммунистического социального строя в нашей стране, была бы невозможна победа в войне с Германией, было бы невозможно превращение страны в сверхдержаву. Спад и кризис советской идеологии стал началом и одной из главных причин краха Советского Союза и советского социального строя. Холодная война Запада, возглавляемого США, против нашей страны велась прежде всего как война идеологическая. Идеология антикоммунизма была одним из оснований интеграции стран Запада в единое западнистское сверхобщество».

■ «Когда речь заходит об идеологии, обычно имеют в виду лишь один компонент этого социального объекта, а именно – определенную совокупность идей, выражаемых словами, фразами, текстами. Буду употреблять для их обозначения выражение “идеологические учения”. Но эти идеи (учения) не возникают, не существуют и не распространяются сами по себе. Их изобретают, сохраняют и распространяют определенного рода люди. Назову их идеологами. Совокупность таких людей образует второй компонент идеологии как социального объекта. Назову его идеологическим механизмом».

■ «Не любая совокупность идей образует идеологическое учение

(идеологию как учение, короче говоря, идеологию), а лишь особая. Она отличается от политических, юридических, научных, литературных, бытовых и всех прочих текстов комплексом признаков, включающим тип содержания идей, цели, правила построения, структуру, способы распространения, критерии оценки и другие признаки. Идеологических учений было много в прошлом и много существует в наше время. Это явления исторические в том смысле, что возникают, какое-то время живут, то есть овладевают умами и чувствами каких-то множеств людей, и умирают, то есть выходят из практического употребления, забываются и даже исчезают из человеческой памяти бесследно. Одни из них живут недолго и охватывают небольшое число людей, другие живут десятилетия, столетия и даже тысячелетия и охватывают огромные массы людей, многие миллионы. Влияние одних на жизнь людей и на ход истории ничтожно, другие же определяют весь образ жизни людей и характер целых народов и исторических эпох. Примером идеологий глобального и эпохального масштаба являются известные мировые религии и марксизм. Примером маленьких (частных и кратковременных) идеологий могут служить идеологии партий, общественных движений, сект. И по текстуальным размерам одни учения могут состоять из небольшого числа фраз, которые можно записать на нескольких страницах, и могут включать в себя огромное число всякого рода сочинений, на профессиональное изучение которых тратят целую жизнь бесчисленные специалисты.

Специфическая цель (и функция) идеологического учения (идеологии) – не познание реальности, не развлечение, не образование, не информация о событиях на планете и т.д. (хотя все это не исключается), а формирование у людей определенного и заранее планируемого способа мышления и поведения, побуждение людей к такому способу мышления и поведения, короче говоря, формирование сознания людей и управление ими путем воздействия на их сознание. Идеология изобретается для того, чтобы выработать у тех, для которых она предназначена, некоторый априорный и стандартный способ понимания окружающих человека явлений реальности и жизни людей, стандартное отношение к ним (оценку), стандартное поведение в ситуациях определенного вида. Подчеркиваю: идеология учит людей тому, что они должны думать о тех или иных явлениях бытия, как их оценивать и как поступать в тех или иных случаях. Можно сказать, что идеология дает людям априорную систему социальных координат, позволяющую им ориентироваться в социальной среде».

Ольга Николаевна Четверикова –

кандидат исторических наук,
доцент МГИМО (У) МИД России, товарищ
председателя Русского экономического
общества имени С.Ф. Шарапова

Католическую церковь ГОТОВЯТ К перестройке

Как «уходили» Бенедикта XVI

Отречение Бенедикта XVI стало исключительным и чрезвычайным событием, но его экстраординарность полностью соответствует незаурядности той ситуации, которую в настоящее время переживает Ватикан. Внутри Святого Престола в последнее время идет интенсивная внутренняя борьба. Она является не просто соперничеством консервативной и либеральной группировок (это было всегда), а отражением более серьезного процесса, направленного на такую трансформацию самой системы управления Ватиканом и его службами, которая сделала бы их прозрачными для структур глобального управления миром, открыто перешедших к заключительному этапу строительства системы надгосударственного суверенитета. То есть речь идет о противостоянии двух концепций существования Ватикана. Одна из них предполагает сохранение его как суверенного образования, а другая – его постепенную перестройку и встраивание в эту сеть глобального управления с остав-

лением Святому Престолу только тех функций, которые работают на религиозное обоснование его власти. Римский папа видится глобальной элите исключительно как глашатай нового мирового порядка, и именно в этой роли он выступал в последнее время – шла ли речь о необходимости создания наднациональных политических и финансовых институтов или о поддержке «арабской весны», демонстрирующей новые методы управления этим регионом.

Однако в отличие от других государственных образований, которые более или менее легко встраиваются в систему внешнего управления, в Ватикане власть имеет сакральный характер, это абсолютная теократическая монархия, в которой все замыкается на фигуре папы. Поэтому и изменить статус Святого Престола можно, только резко понизив роль понтифика как главы Церкви и государства.

Фактически сегодня мы видим повторение той же схемы, которая была применена в отношении Ватикана в ходе лишения его светской

власти в сентябре 1870 г. Тогда низложение папы революционной итальянской армией стало своего рода спектаклем, призванным скрыть реализацию давно разработанного плана отказа понтифика от светской власти над Папской областью. Эта территория должна была быть передана новому Итальянскому королевству со всеми землями, а заодно и всеми долгами, которые папа не мог выплатить Ротшильдам (около 30 миллионов скудо). Обанкротить папу оказалось невозможным, вот и был разработан план такой реструктуризации долгов, который и волков (Ротшильдов) делал сытыми, и овец (папу и его окружение) оставлял целыми — только постриженными наголо. Правда, папа компенсировал утрату светской власти принятием тогда же догмата о непогрешимости, значительно укрепившего его духовную власть. Сегодня суверенитет Ватикана также поставлен под вопрос. Встраивание Святого Престола в новый мировой порядок происходит опять же с помощью финансового механизма, на этот раз — путем перевода его финансов под

Борьба внутри Святого Престола является не просто соперничеством консервативной и либеральной группировок, а отражением более серьезного процесса, направленного на такую трансформацию самой системы управления Ватиканом и его службами, которая сделала бы их прозрачными для структур глобального управления миром.

тотальный контроль всемирной банкирской мафии. Это ударяет по святыне святым — самой закрытой и неприкасаемой структуре Святого Престола — Банку Ватикана, который представляет собой не официальное учреждение Ватикана, а банк папы, являющегося в определенном смысле его единственным акционером и полностью его контролирующего.

В этом плане на протяжении последних трех лет на Бенедикта XVI оказывалось беспрецедентное давление. Началось оно с публикации в 2009 г. разоблачительной книги Джанлуиджи Нуцци «ООО Ватикан». В ней вскрывались тайные схемы перевода теневых денег Банком Ватикана. Общественный резонанс достиг апогея в мае 2012 г., когда вышло еще более разоблачительное расследование этого же автора «Его Святейшество», положившее начало скандалу

«Ватиликс». Теперь на всеобщее обозрение оказалась выставленная уже вся внутренняя кухня самого понтифика. Это было действительно беспрецедентное событие, показавшее полную беспомощность и уязвимость папы в отношении внешних сил. Что это за силы — так никто и не узнал (судили козла отпущения — папского камердинера), но возможности для шантажа сохранились, поскольку в книге излагалась не самая значительная часть закрытой информации, в то время как ее основная часть осталась в руках заказчиков кампании по дискредитации Бенедикта XVI.

Поскольку давление на папу приобрело крайне дерзкие формы и превратилось уже не только в разоблачение деятельности ватиканских институтов, но и в компрометацию самого понтифика, стало ясным: ему подан недвусмыс-

Статуя папы Пия IX (1846–1878) в римской базилике Санта Мариа Маджоре

Римский папа видится глобальной элите исключительно как глашатай нового мирового порядка, и именно в этой роли он выступал в последнее время. Фактически сегодня мы видим повторение той же схемы, которая была применена в отношении Ватикана в ходе лишения его светской власти в сентябре 1870 г.

ленный сигнал — он больше не свой. Действительно, несмотря на все старания идти в ногу со временем и соотносить свою политику с велениями эпохи глобализации, Бенедикт XVI так и остался в глазах глобальной элиты крайне несовременным деятелем. Его консервативные взгляды, исходящие из приверженности традиционным ценностям, плохо согласуются с той стратегией дегуманизации человечества, которую реализуют мировые менеджеры. От него требовали признания модернизированной этики и главное, как это явно дало ему понять агрессивное гомосексуальное лобби внутри Ватикана, — благословения однополых браков. В таких условиях Бенедикт XVI больше не мог продолжать лавировать и оказался перед жестким выбором.

После заявления папы о готовящемся отречении выясни-

лись новые подробности, проясняющие закулисный механизм его «отставки». Как стало известно в конце февраля из публикации в *Intrepid Report* Уэйна Мэдсена (редактора и издателя *Wayne Madsen Report*), за начавшимся в мае 2012 г. скандалом «Ватиликс» стоял руководитель (до августа 2012 г.) Отдела информации и регулируемых вопросов Белого дома Касс Санстейн, считавшийся главным юридическим советником президента Обамы. «Ватиликс» раскручивался по модели «Викиликса», в реализации которого Санстейн сыграл крайне важную роль.

Когда ресурс «Викиликс», взявший, как известно, первоначально под прицел Китай, был только создан (2006 г.), именно Санстейн обеспечил его популяризацию на страницах ведущих американских СМИ. В своей личной колонке в *Washington Post* он тогда за-

писал: «*WikiLeaks.org*, который был основан диссидентами в Китае и других странах, исполнен намерения помещать в Интернете тайные правительственные документы и защищать их от цензуры с помощью “мягкой войны”». Тот же Санстейн в январе 2008 г. в специальной работе, подготовленной для Гарвардского юридического колледжа, рекомендовал правительству США использовать группы тайных псевдонезависимых агентов влияния для «инфильтрации в экстремистские группы», под которыми имелись в виду организации и сайты, насаждавшие, по словам Санстейна, «фальшивые теории заговора». Подобная инфильтрация призвана увести широкую общественность от дискуссий о том, как освободить современный мир от власти олигархов и от нежелательных для руководства США перемен в экономической политике.

По словам Мэдсена, хорошо осведомленные источники *Wayne Madsen Report* в Риме сообщили, что, в мае 2012 г. Санстейн заявил своему близкому окружению: «После “арабской весны” у нас будет “ватиканская весна”». Непосредственным поводом этого заявления стала, как указывает источник, поддержка Ватиканом инициативы стран БРИКС по реорганизации мировой финансовой системы для создания собственной системы расчетов, к которой смогли бы присоединиться страны Латинской Америки и арабского мира. Тогда-то и стал раскручиваться «Ватиликс», в котором в качестве главного злоумышленника был представлен несчастный папский камердинер Паоло Габриэле. Реальными же организаторами этой операции являлись специализирующиеся на информационных спецмероприятиях неправительственные организации и

СМИ, связанные с Госдепартаментом США.

Самому скандалу предшествовали соответствующие показательные акции: сначала финансовый холдинг *J.P. Morgan* в Милане закрыл счет Банка Ватикана под предлогом отсутствия необходимой информации, затем Госдепартамент США впервые включил Ватикан в список стран, уязвимых для отмывания денег. Все это также осуществлялось по команде Санстейна и его коллег из Министерства финансов США. Из того же центра управляли и начатой в мае 2012 г. информационной кампанией, связанной с поиском тела пропавшей еще в 1983 г. Эмануэлы Орланди, дочери сотрудника Банка Ватикана, знавшего о его тайных махинациях. Кампания проводилась под лозунгом: «Эмануэла Орланди была похищена для секс-вечеринок в Ватикане!» В рамках все той же кампании использовали и гей-скандал в Ватикане, когда в СМИ распространили информацию о секретном докладе папе о нетрадиционной сексуальной ориентации представителей высшего католического руководства. Известно, например, какие усилия были предприняты Святым Престолом, чтобы замять скандал вокруг гомосексуальности Марсэля Масьэля, основателя и руководителя самой что ни на есть «консервативной» конгрегации «Легионеры Христа», одной из главных опор Бенедикта XVI. Только после смерти этого деятеля в 2008 г. было оглашено, что он совершал поступки, несовместимые с католической моралью, и Ватикан начал расследование деятельности «легионеров» по всему миру. Но вот растрюбить об этом на весь мир понадобилось именно в тот момент. Таким образом, информационная война против Ватикана приняла всеобъемлющий

характер и затронула все стороны его деятельности — финансовую, административную, политическую и религиозную. Цель этой кампании была одна — доказать несостоятельность руководства Святого Престола и его неспособность управлять Церковью, нуждающейся в коренных переменах. В самом начале 2013 г. развернулась заключительная стадия подготовки «ватиканской весны». 1 января Банк Ватикана приостановил обработку всех операций по банковским картам и всех электронных платежей на территории Ватикана опять-таки по причине несоблюдения Святым Престолом в полном объеме международных правил борьбы с отмыванием финансовых средств. Считается, что вследствие этого за месяц объем потерь Ватикана составил около 1,7 миллиона евро. Тогда к делу подключаются ведущие специалисты по переговорным делам — рыцари Мальтийского ордена. 9 февраля в соборе Святого Петра в Ватикане в честь ордена, основанного в феврале 1113 г., открылись торжества, на которые прибыло более тысячи рыцарей и леди для получения благословения Бенедикта XVI. С мальтийцами папа провел несколько часов, а 11 февраля заявил о своем отречении от престола. И буквально на следующий день на территории Ватикана возобновились операции по банковским картам, а 15 февраля (как раз в день рождения ордена) папа принял последнее крупное решение. Он назначил новым директором Банка Ватикана (а эта должность оставалась вакантной с мая 2012 г.) мальтийца, немецкого юриста и финансиста Эрнста фон Фрайберга, являющегося специалистом по слиянию и поглощению финансового бизнеса. Мальтийский орден, представляющий собой парасоударст-

венное образование со своей конституцией, является одним из наиболее влиятельных католических орденов. Он тесно связан с крупнейшими мажорскими ложами и имеет ответвления в различных сферах — торговле, политике, банковском секторе, спецслужбах, армии, образовании и т.д. Многие рыцари Мальтийского ордена являются членами Совета по международным отношениям и других наднациональных теневых организаций и поддерживают силы, активно работающие на новый мировой порядок и в то же время ориентирующиеся на Ватикан. Достаточно вспомнить таких рыцарей Мальтийского ордена, как бывшие директор ЦРУ Уильям Кейси, его заместитель Верной Уолтер и госсекретарь США Александр Хэйг.

Отсюда назначение фон Фрайберга главой Банка Ватикана можно рассматривать как подготовку почвы для перевода финансовой системы Святого Престола под внешний контроль. Симптоматично, что Бенедикт XVI никогда не виделся с новым директором, а сама его кандидатура была предложена известным международным агентством по подбору топ-менеджеров *Spencer & Stuart*. Видимо, такая отстраненность папы от принятия столь важного решения явилась одним из условий соглашения, принятого на его встрече с мальтийцами.

Первый папа-иезуит

С отречением папы первый этап «ватиканской весны» завершился, и 12 марта — с открытием конклава — начался второй этап этого процесса. Хотя явного фаворита среди участников конклава не просматривалось, итальянские эксперты (в частности, Марко Тозатти) главным претендентом считали итальянца — архиепископа Милана Анджело

Скола. Однако последние события в Италии, предшествовавшие конклаву, явно продемонстрировали, что на итальянскую партию осуществляется сильнейшее давление. В начале марта миланский суд приговорил Сильвио Берлускони — влиятельнейшую фигуру итальянского бизнеса — к одному году тюрьмы по обвинению в причастности к раскрытию конфиденциальной информации в деле о покупке страховой группы *Unipol* банка *BNL*. И почти тогда же из окна своего кабинета выбросился Давид Росси — глава пресс-службы старейшего в Италии банка *Monte dei Paschi di Siena*, вокруг которого в январе 2013 г. разразился скандал, когда выяснилось, что банк скрывал информацию об убытках. После этого все руководство *Monte dei Paschi di Siena* было отправлено в отставку, а прокуратура начала расследование. По оценкам экспертов, смерть назначенного козлом отпущения Росси, скорее всего, скрывает за собой целую цепочку событий, связанных с перестройкой управления мировыми финансами. Но опять-таки произошло все это удивительно вовремя.

13 марта новым понтификом был избран архиепископ Буэнос-Айреса Хорхе Марио Бергольо, взявший имя Франциска. Хотя его имени не было среди фаворитов конклава, на выборах 2005 г. он оказался вторым после Йозефа Ратцингера, так что избрание его нельзя считать неожиданным. Судя по рекордно коротким срокам работы конклава, вопрос о новом папе был решен заранее.

Бергольо стал первым понтификом-латиноамериканцем и первым папой-иезуитом. Его latinoамериканское происхождение свидетельствует о том, что в условиях резкого упадка значения католицизма

в Европе возрастает роль Католической церкви в Новом Свете. Однако общемировой процесс антихристианизации охватил и Латинскую Америку, включая Аргентину. Показательно, что Аргентина, в которой провозглашена полная свобода вероисповедания, была на момент избрания Бергольо единственной страной Латинской Америки, где узаконены однополые браки (произошло это в июле 2010 г., а в апреле 2013 г. эти браки признаны и в Уругвае). Как заявил бывший епископ Паленсии Николас Кастельянос, согласно исследованиям, проведенным католическим Обществом Святой Марии, среди латиноамериканской молодежи Католическая церковь в настоящее время не пользуется никаким доверием. Сам Ватикан, по утверждениям хорошо знакомых с ситуацией священнослужителей, сегодня не является авторитетом для католиков в Латинской Америке. Так что избрание папой latinoамериканца не столько свидетельствует о силе католицизма в этом регионе, сколько, напротив, призвано укрепить ослабевший авторитет Святого Престола на континенте.

Символично, что произошло это одновременно с уходом из жизни Уго Чавеса, который воплощал собой антиглобалистскую Латинскую Америку. В последние годы Чавес предполагал, что его раковая болезнь была вызвана искусственно. Он считал, что аналогичная ситуация и у аргентинского президента Кристины Фернандес, также борющейся за ускорение южноамериканской интеграции в противовес доминированию США. А отношения Чавеса с Церковью были настолько напряженными, что дело шло к разрыву между Венесуэлой и Ватиканом, поддерживавшим оппозицию президенту. В од-

ном из своих выступлений Чавес высказался о католических священниках следующим образом: «Они все еще думают, что являются господствующей силой в государстве. Забудьте об этом, пещерные обитатели!» У покойного венесуэльского президента был альянс с симпатизировавшей ему «Реформированной католической церковью Венесуэлы». Ее пасторами являются клирики, запрещенные в служении католическими епископами за различные канонические нарушения. «Реформаторы» выступают против celibата, не считают грехом гомосексуализм, допускают развод.

Поэтому приход latinoамериканского папы должен означать начало новой эпохи в истории latinoамериканского католицизма, который хотя и сохранит свою социальную ориентацию, но вместе с тем восстановит пошатнувшиеся отношения с Ватиканом, но главное — сделает риторику местных национальных лидеров безопасной для глобальной элиты. В конце концов, всегда останется возможность списать на проявления местной национальной экстравагантности высказывания наподобие того, которое позволил себе преемник Чавеса Николас Мадуро во время своей избирательной кампании: «Мы знаем, что наш команданте достиг <...> высот, он находится напротив Христа. Что-то такое он сделал, чтобы папой стал южноамериканец <...> и Христос сказал: “Пришло время Латинской Америки”».

Сенсация о первом latinoамериканце на папском престоле оттенила еще более примечательный факт, что впервые в истории Западную церковь возглавил член Общества Иисуса — самой влиятельной, активной и хорошо структурированной католи-

ческой организации, отвечающей за формирование сознания управленческих элит, способных эффективно действовать в условиях нового мирового порядка. Созданный в самый разгар Контрреформации фактически для спасения папской власти орден иезуитов отличался тем, что к обычным трем монашеским обетам добавил обет беспрекословного послушания и верного служения понтифику. Ему присуща жесткая дисциплина, отточенная система управления и беспрекословного подчинения начальству. Неслучайно генерального настоятеля ордена называют «генералом» или «черным папой» (по цвету сутаны). Главное требование, предъявляемое к иезуиту, — абсолютное послушание. Именно этому учит основатель ордена Игнатий Лойола в своих «Духовных упражнениях»: иезуит «должен смотреть на старшего, как на самого Христа, он должен повиноваться старшему, как труп, который можно перевертывать во всех направлениях, как палка, которая повинуется всякому движению, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях». Эта иезуитская техника полного подчинения личности привлекла внимание руководителей нацистской Германии. По признанию Вальтера Шелленберга, начальника политической разведки службы безопасности, именно по принципам ордена иезуитов строил организацию СС Гиммлер, о котором Гитлер в свою очередь говорил: «Я вижу в нем нашего Игнатия Лойолу». Орденская структура была заимствована различными спецслужбами.

Свою деятельность орден сконцентрировал на трех направлениях — образовании, миссионерской деятельности и исповедальной практике. Успехом в своей миссионер-

ской деятельности они обязаны выработке уникального метода культурной адаптации и мимикрии, позволяющего им проникать в организации любых религиозных конфессий и приспосабливаться к самым разным социально-культурным условиям. Именно они разработали наиболее гибкие приемы работы с Православными церквями. Особенно на этом поприще прославился французский иезуит Михаил д'Эрбиньи, возглавивший Комиссию *Pro Russia*, созданную в 1925 г. при конгрегации для Восточной церкви в целях подготовки кадров священнослужителей для Советского Союза. При этом особое значение придавалось криптокатолицизму (тайному

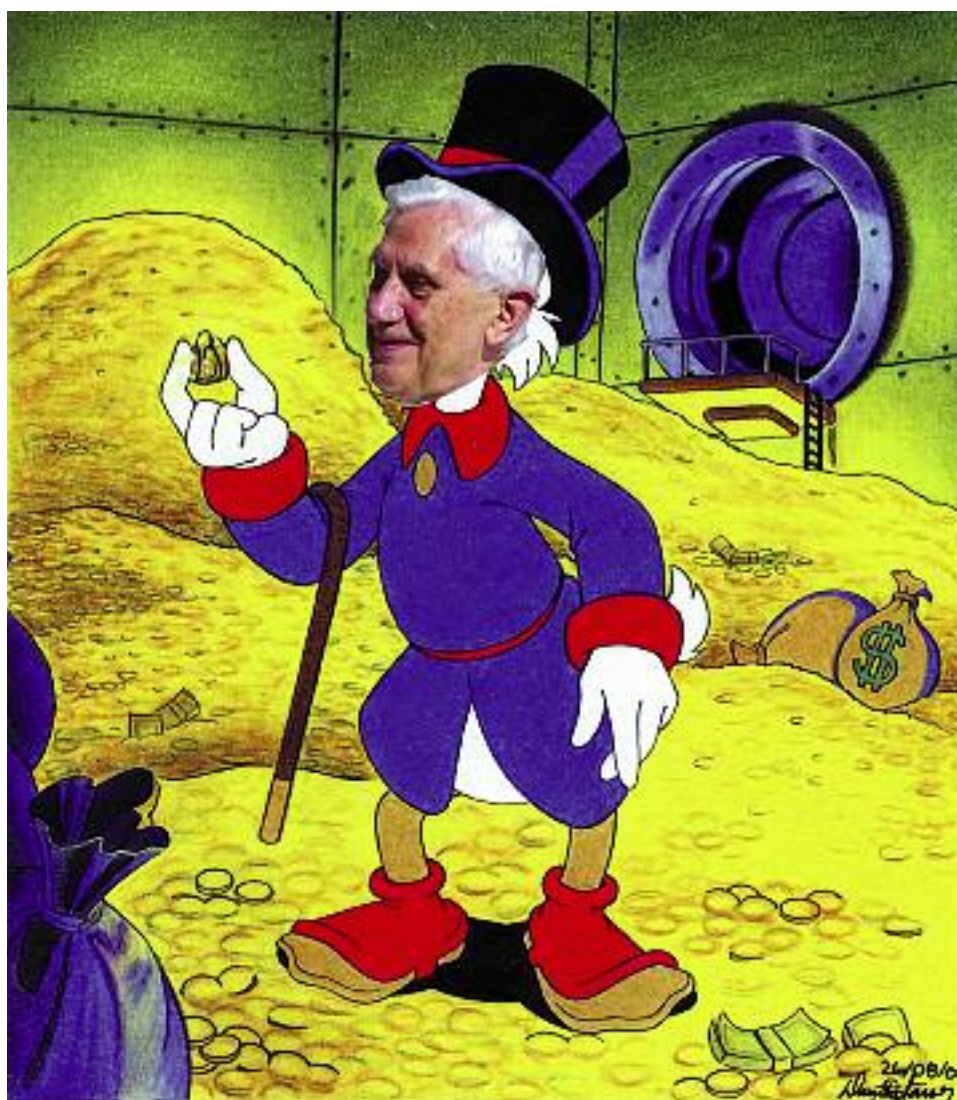

За начавшимся в мае 2012 г. скандалом «Ватиликс» стоял руководитель (до августа 2012 г.) Отдела информации и регулируемых вопросов Белого дома Касс Санстейн (на фото), считавшийся главным юридическим советником президента Обамы. «Ватиликс» раскручивался по модели «Викиликса», в реализации которого Санстейн сыграл крайне важную роль.

католицизму), в соответствии с которым на патриарший престол в России планировалось возвести епископа, тайно давшего присягу папе, то есть тайно перешедшего в католичество. Криптокатолицизм удобен тем, что не требует формального разрыва с Православной церковью. Он предполагает негласное принятие духовного лица в сущем сане в лоно католицизма, то есть в евхаристическое общение и в иерархическую связь с римским епископом, и продолжение его служения в Православной церкви с целью постепенного насаждения среди прихожан симпатии к Святому Престолу и католическому учению.

Для большей эффективности их деятельности иезуитам разрешается вести светский образ жизни, не афишировать свою принадлежность к орде-

ну, пользоваться широкими привилегиями и нести ответственность только перед своим руководством. Поэтому они легко проникают в масонские и другие оккультные структуры. Визитной карточкой ордена стала знаменитая иезуитская мораль, исходящая из приспособительной теологии, позволяющей произвольно толковать основные религиозно-нравственные требования и подстраиваться под воззрения и нравы людей любого времени и места, оправдывая любой безнравственный поступок — положение «цель оправдывает средства». Именно в системе нравственного богословия иезуитов, воспитавших целые поколения представителей европейской католической (и не только — вспомним об известных просветителях) элиты, можно найти истоки той двойной мо-

В самом начале 2013 г. развернулась заключительная стадия подготовки «ватиканской весны». 1 января Банк Ватикана приостановил обработку всех операций по банковским картам и всех электронных платежей на территории Ватикана по причине несоблюдения Святым Престолом в полном объеме международных правил борьбы с отмыванием финансовых средств.

рали, которая стала одним из ключевых принципов западной дипломатии. Именно поэтому слово «иезуит» приобрело переносное и крайне негативное значение. Как бы ни пытались отдельные сторонники православно-католического диалога преодолевать исторически сложившиеся среди православных верующих крайне отрицательные представления об иезуитах, добиться этого они никогда не смогут. Об этом, в частности,

говорилось на встрече в Москве в июле 2010 г. заместителя главы ОВЦС игумена Филиппа (Рябых) с генеральным настоятелем ордена иезуитов Адольфо Николасом. Впечатляющих результатов достигли иезуиты в развитии образовательных структур и институций. Сегодня они издают более 1100 журналов, которые читают более 40 миллионов человек, руководят 195 университетами во всем мире, среди которых Папский Григо-

рианский университет в Риме, Сент-Луисский, Фордхэмский и Джорджтаунский университеты в США (последний является единственной в США дипломатической школой). Это позволяет им выдвигать своих людей на ключевые посты в государственных структурах не только Европы, но и США. Достаточно напомнить, что иезуитские частные высшие учебные заведения закончили бывшие руководители ЦРУ Уильям Кейси (Фордхэмский университет), Джордж Тенет (Джорджтаунский университет), Роберт Гейтс (Джорджтаунский университет), Леон Панетта (университет Святой Клары). Выпускником Фордхэмского университета является и нынешний директор ЦРУ Джон Бреннан. Укрепление позиций ордена и его генерала, рассматривавшихся как важнейший инструмент в руках Ватикана, со временем позволило иезуитам добиться автономии и начать контролировать уже сам Святой Престол и решения понтифика. Они стали проникать в правительственные структуры разных стран и наднациональные теневые организации, занимаясь под видом приспособления католического учения к реалиям жизни формированием единой мировой религии. Именно иезуит кардинал Августин Беа, входивший в круг ближайших советников папы и возглавлявший партию прогрессистов, сыграл решающую роль в экуменическом перевороте на Втором Ватиканском соборе (1962–1965). Благодаря личным связям и контактам этого влиятельного масона и теолога-модерниста (он возглавлял иезуитский Международный исследовательский центр, Папский Григорианский университет) произошло сближение Святого Престола со Всемирным еврейским конгрессом

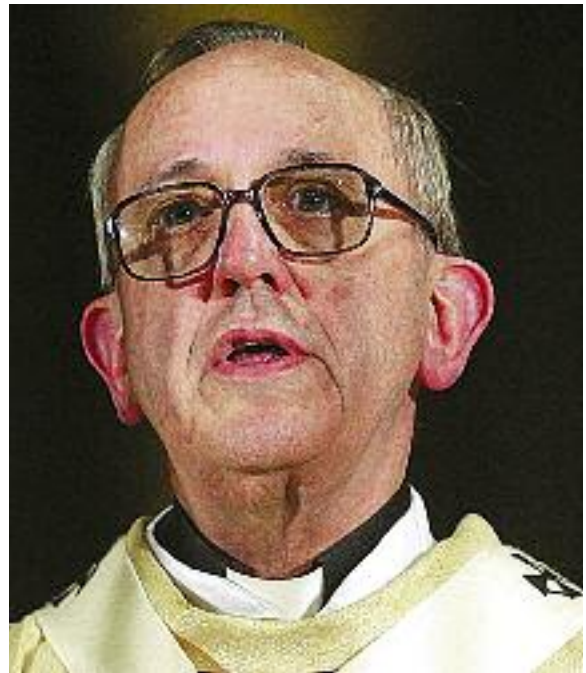
(ВЕК) и организацией «Бнай-Брит», завершившееся полным пересмотром христианского учения об иудаизме и фактическим переходом на позиции иудеохристианства. Специальные работы о теневой стороне деятельности ордена при Павле VI и Иоанне Павле II были написаны бывшим иезуитом Альбертом Ривера и бывшим епископом Жераром Буффаром. Последний в течение 6 лет отвечал за переписку между папой и руководителями иезуитов и назвал общество «настоящим духовным контролером» нового мирового порядка, работающим на создание сетевого транснационального правительства. Об этом же говорят и исследования таких авторов, как Бил Хьюз («Разоблаченный враг» и «Тайна террористов») и Эрик Джон Фелпс («Убийцы Ватикана».) Конечно, данные работы написаны с протестантских позиций, но они очень хорошо выявляют цели и методы ордена иезуитов, позволяющие им оставаться эффективными субъектами мировой закулисы.

Миссия папы Франциска

Избрание папы-иезуита доказало, что вся предшествовавшая этому титаническая работа, направленная на смещение Бенедикта XVI, была проделана не зря. Если раньше ключевые католические ордена действовали в тени, то сегодня они переходят к непосредственному управлению Ватиканом с соответствующим распределением функций. Это позволит встроить Католическую церковь в новый мировой порядок. Финансы Ватикана перешли под контроль мальтийцев (они взяли на себя самую «грязную» работу по «очистке» финансов), а Святой Престол — под прямой контроль иезуитов, которые смогут скон-

центрироваться на «миссионерской» деятельности. Главная интрига здесь кроется в нюансах.

Генерал Общества Иисуса Адольфо Николас подчиняется непосредственно понтифику. Но став папой, Бергольо остался членом ордена, так что он будет руководствоваться фактическими отношениями с иезуитами, которые и окажутся его реальными «помощниками». В лице Франциска произошло фактическое слияние власти ордена и власти Церкви. Так что самостоятельность понтифика весьма относительна. Невольно встает вопрос: какой папа будет реально править — «белый» или «черный»? Сам Ни-

Бергольо стал первым понтификом-латиноамериканцем и первым папой-иезуитом. Его latinoамериканское происхождение свидетельствует о том, что в условиях резкого упадка значения католицизма в Европе возрастает роль Католической церкви в Новом Свете.

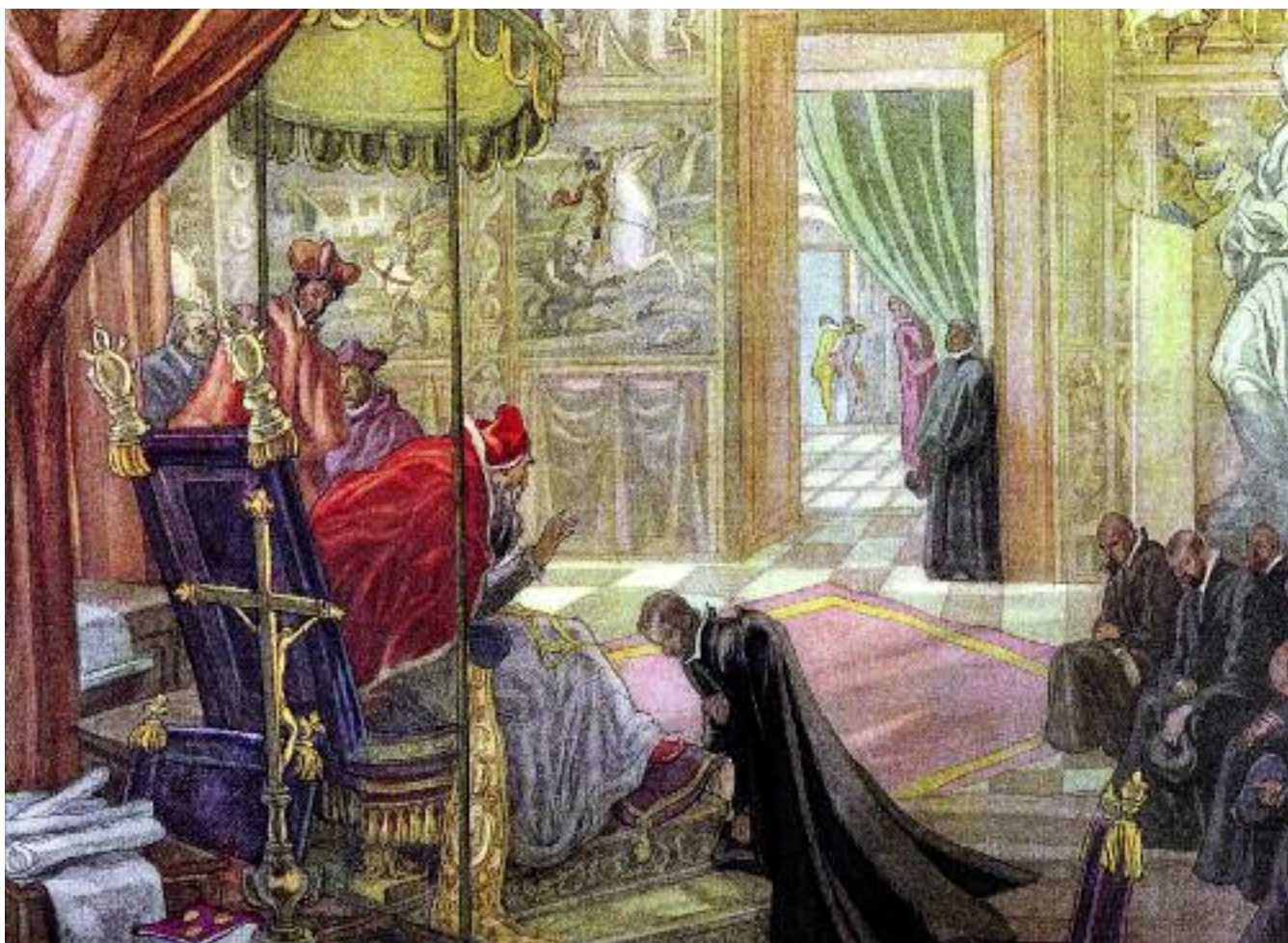
колас отметил, что характерной чертой ордена является «особое единство» с римским папой, с которыми иезуиты связаны «узами любви и служения», и что избрание Бергольо «открывает для Церкви этап, полный надежды».

По-видимому, главные усилия орден сконцентрирует на перестройке системы управления Святым Престолом в целях выведения его из-под влияния старых внутрицерковных кланов, неспособных адекватно реагировать на ветры мировых перемен. В планах иезуитов — реформирование Римской курии, которое будет заключаться в децентрализации власти и интернационализации руководства, до сих пор считающегося «слишком римским». Вероятно, курия будет сокращена, а ее структура и доступ к папе — упрощены. Это поспособствует укреплению позиций и самостоятельности низовых католических

организаций, находящихся под контролем ордена.

Главная же задача нового руководства — так называемая новая евангелизация. Под красивой формулой скрывается старое содержание. Его суть — в экуменической открытости и межрелигиозном диалоге, целью которого является дальнейшее размывание христианства в некоей «единой мировой религии» под началом римского папы, который сам пребывает под внешним управлением. Показательно, как тепло поприветствовал нового папу ВЕК, президент которого заявил, что они знают Франциска, который неоднократно посещал межконфессиональные встречи, организованные ВЕК и latinoамериканским отделением конгресса. Он также подчеркнул, что новый папа всегда открыт для диалога и способен навести мосты между католичеством и другими религиями.

Карлос де Техада. Папа Павел III и Игнатий Лойола

Укрепление позиций иезуитского ордена и его генерала, рассматривавшихся как важнейший инструмент в руках Ватикана, со временем позволило иезуитам добиться автономии и начать контролировать уже сам Святой Престол и решения понтифика.

Глава ВЕК выразил надежду, что понтифик примет меры в отношении тех священнослужителей, которые отрицают Холокост, и что он укрепит связи между Ватиканом и Израилем. А основатель Фонда Рауля Валленберга Барух Тенембаум отозвался о папе еще теплее: «Это человек очень простой, очень скромный и духовный. Как никто другой, он участвовал во всех межрелигиозных встречах. У него множество друзей раввинов, с которыми он публиковал свои книги. Он посещал много синагог. Я говорю не потому, что я иудей, а потому, что это человек, вдохновленный глубоким уважением ко всем лич-

ностям, которые имеют право на различия».

Нельзя забывать, что суть иезуитизма — в его фарисействе, в его приспособительной морали, которая приучает верующих под видом исполнения нравственного закона, в сущности, нарушать его. Очень показательна в этом отношении беседа нынешнего «черного папы» иезуитов испанца Николаса в студии сибирского католического телевидения «Кана», в которой он рассказывал о сути служения иезуитов в современном светском обществе. Николас долгие годы работал в Японии, он является активным сторонником сближения разных

культур и особое внимание уделяет Востоку. В своем выступлении он даже не упомянул имени Христа, зато подчеркнул необходимость «контекстуализации» и «инкультурации» благовествования, которые являются его главными формами, способствующими диалогу с разными культурами. Поскольку именно в этом диалоге идет «поиск полноты истины», как к этому призывает римский папа. Сказал Николас и о необходимости свидетельствования и веры, только свидетельствовать надо о том, что «наша жизнь — это жизненные реалии», а верить следует в «возможность сохранять полноту человеческой жизни». Наконец, поскольку главную роль играет тот факт, что мы находимся в глобализованном, многообразном и взаимосвязанном мире, этот мир, по

мнению Николаса, нуждается в такой системе управления, которая будет эффективна непосредственно сегодня.

Подобная «гибкая» позиция иезуитов осложняла их отношения с Бенедиктом XVI, который предпочитал опираться на консервативную конгрегацию «Легионеры Христа». Иезуиты же оставались на втором плане. Известно даже, что были составлены своего рода черные списки 250 иезуитских теологов, которым было запрещено преподавать в некоторых университетах. И только падение авторитета «Легионеров Христа» вследствие указанного выше скандала и усугубляющаяся закрытость «Опус Деи» способствовали определенному восстановлению позиций Общества Иисуса, что проявилось в назначении в 2006 г. директора Радио Ватикана иезуита Фредерико Ломбарди главой пресс-службы Святого Престола. Но, как признавались некоторые иезуиты, все равно они «не ощущали себя швейцарскими гвардейцами» и не были склонны рассматривать свой традиционный обет верности папе как синоним слепого подчинения. С избранием Франциска орден не просто взял реванш, он добился полной победы. Новый папа — гибкий иезуит — подходит к выполнению экуменической миссии идеально. Весь этот непривычный новый стиль поведения понтифика, которым так восхищаются СМИ, с его показной скромностью и демократичностью, неофициальностью и даже запанибратством (взять хотя бы его последний телефонный звонок «старому другу» Николасу мина секретаря) — это составная часть иезуитской методики поведения, предполагающей максимальное погружение в окружающую реальность. В условиях повсеместного назревания социального взрыва

сильным мира сего очень нужен «бедный папа», усыпляющий нравственную бдительность верующих. Главная задача иезуитов — обеспечить укрепление власти транснационального класса собственников путем создания иллюзий его чудесного перерождения в спасителя человечества. И пока папа будет создавать «бедную Церковь», богатые должны завершить ограбление народов в целях установления своего тотального господства над миром. Так что Франциск на Святом Престоле — это и есть *soft power* по-иезуитски.

Экуменизм: «новый курс» Ватикана или старые игры иезуитов?

В середине апреля в Россию приехал глава Папского совета по содействию христианскому единству кардинал Курт Кох, который о цели своей поездки еще в марте заявил следующее: «Отношения между Москвой и Римом, без сомнения, стали лучше, чем в прошлом, хотя некоторые вопросы еще остаются открытыми и из Москвы пока поступает мало сигналов о готовности к встрече между патриархом Кириллом и папой Франциском. Но все будет зависеть от того, удастся ли углубить экуменические отношения и диалог. И конечно, этому послужит мой визит в Санкт-Петербург и в Москву в конце апреля, чтобы осуществить следующие шаги».

Что это значит для нас сегодня?

Напомним, что курс на активный экуменический диалог и на достижение «единства всех христиан» Святой Престол начал проводить со времен II Ватиканского собора. Но сегодня, как указал кардинал Кох в своей недавней статье в *Osservatore Romano*, центральный вопрос экуме-

нического диалога заключается в том, что «различные эклесиологии обладают разными понятиями экуменизма», «нет согласия в том, что означает экуменизм и в чем его цель». «Мы часто не знаем, чего хотим от экуменизма и чего нужно от него ждать». Все это результат плюрализма эпохи Постмодерна. Поэтому, чтобы избежать отдаления друг от друга, «необходимо вновь поразмышлять о конечной цели экуменического пути в свете веры». В связи с этим Кох поясняет, что если сейчас экуменизм рассматривается самое большее как «толерантное признание различий друг друга», то христианский взгляд требует признания единства: «Единство было и остается основополагающей категорией христианской веры».

Однако Кох лукавит, не поясняя, как Святой Престол понимает такое «единство». Но об этом хорошо сказано в документах II Ватиканского собора и в последующих декларациях Католической церкви. Так, в догматической конституции собора о Церкви (*Lumen gentium*) говорится, что Церковь Христова «пребывает в католической Церкви, управляемой преемником Петра и епископами в общении с ним». В ней повторяется «учение об установлении, непрерывности, значении и смысле священного первенства римского понтифика и о его безошибочном учительстве» и утверждается, что «в силу своей должности, то есть как наместник Христа и пастырь всей Церкви, римский понтифик обладает в Церкви полной, верховной и универсальной властью». А далее излагается экуменическая концепция католицизма, в соответствии с которой «те, которые веруют во Христа и должным образом приняли крещение, находятся в известном общении с Католической цер-

ковью, пусть даже неполном, а полное общение возможно только с признанием власти преемника Петра, то есть понтифика Рима».

То же положение подтверждает и документ конгрегации доктрины веры 2007 г. «Ответы на вопросы, касающиеся некоторых аспектов католической доктрины». В нем утверждается, что единая Церковь Христова «пребывает в Католической церкви, управляемой преемником Петра и епископами в общении с ним», ей вверена «полнота благодати и истины». В то же время в других Церквях и церковных сообществах, не пребывающих в полном общении с Католической церковью, Церковь присутствует и действует благодаря только некоторым элементам истины и святости. В отношении Православных церквей сказано, что хотя они и обладают истинными таинствами и достойны называться «отдельными или поместными Церквями», но суть их «страдает от некоего недостатка», поскольку «общение с Католической церковью, видимым главой которой является римский епископ — преемник Петра», — по причине разделения между христианами встречает препятствия. Так что если без лукавства, то подлинное единство христиан, в соответствии с учением Святого Престола, возможно только при условии признания Православными церквями римского папы как преемника Петра и главы Христианской церкви. Это есть и цель, и содержание предлагаемого Кохом единства.

Между тем, несмотря на все усилия Ватикана, по признанию самого Коха, «цель экуменизма не достигнута», и на пути православно-католического диалога католики встречают трудности. Еще в конце 2011 г., говоря о его состоянии, Кох отметил, что с 2005 г. участ-

ники этого диалога обсуждают проблему первенства, поскольку Церковь нуждается в «первенствующем», но так и не смогли продвинуться вперед. Главная причина этого, по его мнению, «в разделении в самом православии». Поэтому такое большое значение Ватикан придает проблеме созыва всеправославного собора, на который он возлагает большие надежды, считая, что собор утвердит первенство константинопольского патриарха, уже готового признать папский примат. Как заявил Кох в интервью в январе 2013 г., «я слежу за развитием этого вопроса с большой симпатией, потому что убежден: если дело дойдет до открытия всеправославного собора, то это станет также большим подспорьем для экуменического диалога с нами». Именно в целях ускорения данного процесса Святому Престолу и понадобилось вновь «поразмывать о конечной цели экуменического пути», акцент здесь переносится на «молитву о единстве». С попыток добиться формального признания главенства понтифика Ватикан перешел к более гибкой форме поиска «единства». Теперь его будут продвигать не путем дипломатии, богословских диалогов и формальных договоренностей, а, как выразился Кох, на человеческом, дружеском, духовном уровне. «В будущее нас поведет не экуменизм “на бумаге”, но единство жизни», — заявил он. На одной из католических конференций было даже сформулировано понятие «низового экуменизма», что означает контакты между рядовыми священниками, общинами и простыми верующими. С этой же целью в октябре 2012 г. по случаю 50-летия II Ватиканского собора Бенедикт XVI объявил Год веры — событие, которое наравне с Неделями молитв о единстве христиан (18–25 января) Кох

выделил в качестве центрального: «Тем, что нас объединяет больше всего, является таинство крещения, признанное всеми, и апостольское исповедание веры. В этом смысле Год веры — это большой стимул для поиска корней экуменизма, которые находятся именно в вере».

Так что Ватикан не станет теперь так явно навязывать нам обсуждение богословских вопросов, он будет пытаться объединить нас в христианской молитве. В этом — пафос «нового курса». Но парадокс в том, что провозгласивший его папа никак не подходил для его претворения в жизнь. Ратцингер — теолог-доктринер, придерживающийся четких догматических положений и жестких церковных правил. А тут нужен новый революционный подход, осилить который может только тонкий ловец человеческих душ. И у власти оказывается виртуозный папа-иезуит, специалист по экуменической открытости, межрелигиозному диалогу, способный воспринять любую культуру и молиться везде и с каждым.

Но к православию это имеет особое отношение. Как подчеркнул Кох, «в православии богословие находит конкретное воплощение в богослужении, *lex orandi — lex credendi* (закон молитвы — закон веры. — О. Ч.)». А ведь новый папа — специалист по восточному обряду, бывший ординарий униатов Аргентины, воспитанник священника-галичанина Степана Чмиля. Как отметил стажировавшийся у него нынешний глава украинских униатов Святослав Шевчук, «он хорошо знает наш обряд и даже помнит нашу литургию», «знает нашу духовность». Таким же хорошим специалистом по восточному обряду является и иезуит Милан Жуст — сотрудник Палского совета по содей-

ствию христианскому единству, отвечающий за отношения с Православными церквами стран Восточной Европы и Грузии. Получив образование в Католическом университете и в православном Свято-Сергиевском богословском институте в Париже, он хорошо изучил православие. Его докторская диссертация была посвящена о. Павлу Флоренскому. Однако о «глубине» проникновения Жуста в понимание православной духовности очень хорошо свидетельствует следующее его заключение: «Не стоит противопоставлять духовность Игнатия Лойолы православной традиции». Конечно, найти общее в идеях яркого паписта, учившего «повиноваться старшему, как труп, который можно переворачивать во всех направлениях, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях», и в мистике православных святых мог только представитель просвещенного иезуитизма.

Именно Жусту поручена особая миссия по достижению православно-католического «духовного единения», и здесь

Новый папа – гибкий иезуит – подходит к выполнению экуменической миссии идеально. Весь этот непривычный новый стиль поведения понтифика, которым так восхищаются СМИ, с его показной скромностью и демократичностью, неофициальностью и даже запанибратством – это составная часть иезуитской методики поведения, предполагающей максимальное погружение в окружающую реальность.

он добился определенных успехов. Показательно, что если в конце 90-х, по признанию Жуста, его не пустили в Московскую духовную академию, а в других местах принимали явно неохотно, теперь обстановка изменилась. В 2010 г. он посетил Общецерковную аспирантуру и докторантуру имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, где, как заявил митрополит Иларион, создается «новое поколение священнослужителей». Здесь он прочел лекцию «Папский совет по содействию христианскому единству и православно-католический диалог», после которой состоялись «увлекательная беседа» и «плодотворный обмен мнениями» со слушателями. В марте 2011 г. он сопровождал Курта Коха в его поездке в Россию. А в марте 2012 г. совместно с руководителем проуниатского цент-

ра *Istina* Иасинтом Дестивелем прибыл в Санкт-Петербург, где встречался с православными иерархами и священнослужителями и посетил Санкт-Петербургскую духовную академию, а затем присутствовал на литургии.

В ходе встречи ректор академии епископ Амвросий Гатчинский поблагодарил Жуста за поддержку петербургских православных студентов, обучающихся в Риме, и обсудил возможность дальнейших стажировок православных семинаристов и священников в католических учебных заведениях. А Жуст в свою очередь обратился с просьбой рассмотреть возможность обучения католических студентов в санкт-петербургских духовных школах. Вот так «объединяют» православную и католическую духовность, подготавливая «единство в молитве».

Встреча митрополита Илариона с кардиналом Кохом и Миланом Жустом

Иезуит Милан Жуст – сотрудник Папского совета по содействию христианскому единству, отвечающий за отношения с Православными церквями стран Восточной Европы и Грузии – указывает: «То, что нам нужно в первую очередь, – это общение на пастырском уровне, а не только на богословском или иерархическом. Тогда возникает доверие. Всегда можно найти цитату из Писания или отцов, чтобы обвинить другого. Если же есть доверие, то всегда можно найти цитату, чтобы другого оправдать».

Иезуитские корни «нового курса» Коха совершенно очевидны. Он повторяет Жуста, по мнению которого главная проблема в отношениях с православными не в существующих разногласиях и не в разнице в обрядах, а в слабости веры. Но об ответственности папства за оскудение веры на Западе Жуст, естественно, молчит, так же как молчит он и о том, что именно сила веры православных «мешает» им принять Католическую церковь как «сестринскую». Задача иезуитов – привести нашу веру в соответствие с верой католиков, для чего и применяются проверенные веками приемы. Жуст указывает: «То, что нам нужно в первую очередь, – это общение на пастырском уровне, а не только

на богословском или иерархическом. Тогда возникает доверие. Всегда можно найти цитату из Писания или отцов, чтобы обвинить другого. Если же есть доверие, то всегда можно найти цитату, чтобы другого оправдать». Это и есть иезуитская мораль – теория оправдания, или теория пробабилизма, в соответствии с которой всякое действие может быть совершено и не будет противно нравственным законам, если в оправдание его можно представить мнение какого-либо авторитетного богослова.

Но какова же цель достижения доверия? Жуст этого и не скрывает, прямо указывая, что через процесс общения и взаимного узнавания в обеих Церквях готовится почва для

судьбоносных решений: «Для нас важно, чтобы принятие совместных документов или возможная будущая встреча папы и патриарха не вызывали серьезных протестов. Но пока протесты есть, я первый скажу, что скорее всего время еще не пришло». Вот и вырисовывается логика иезуитов: цель превращается в средство, так как укрепление веры оказывается необходимо, чтобы подготовить встречу между папой и патриархом. Ну а сама встреча должна обеспечить то самое «христианское единство», ту самую «полноту вселенскости», которые только и возможны с признанием римского понтифика главой Церкви.

Иезуитизм, как всегда, совершает идейную подмену, пытаясь примирить непримиримое. Игнорируя богословские расхождения, он отделяет догматику от мистики, в то время как христианство являет собой уникальный пример органической связи всех трех проявлений религиозной жизни – догмата, этики и мистики. Если устранить одну из этих черт из общего учения, оно будет искажено.

Эта мысль с необычайной ясностью и простотой выражена у преподобного Симеона Нового Богослова: «Только тот ум, который соединяется с Богом посредством веры (догмат) и познает Его через делание заповедей (этика), только такой наивернейший сподобляется видеть Его и созерцательно (мистика)». Так же ясно написано об этом и преподобным Исааком Сириным: «Естественное видение, то есть различение добра и зла, вложенное в природу нашу Богом, само убеждает нас в том, что должно веровать Богу, пришедшему нас в бытие (догмат); а вера производит в нас страх; страх же понуждает нас к покаянию и деланию (этика). Так дается человеку духовное

ведение, то есть ощущение тайн, которое рождает веру истинного созерцания (мистика)».

Что же касается католицизма, допустившего отступления и в догматике, и в сотериологии, и в учении о таинствах, и многие другие, оно давно определяется православием как ересь. Напомним слова наших святых отцов.

Святитель Игнатий (Брянчанинов): «Папизм — так называется ересь, объявшая Запад, от которой произошли, как от древа ветви, различные протестантские учения. Папизм присваивает папе свойства Христа и тем отвергает Христа. Некоторые западные писатели почти явно произнесли это отречение, сказав, что гораздо менее грех — отречение от Христа, нежели грех отречения от папы. Папа есть идол папистов, он — божество их. По причине этого ужасного заблуждения благодать Божия отступила от папистов; они преданы самим себе и сатане — изобретателю и отцу всех ересей, в числе прочих и папизма. В этом состоянии омрачения они исказили некоторые догматы и таинства, а Божественную Литургию лишили ее существенного значения, выкинув из нее призывание Святого Духа и благословение предложенных хлеба и вина, при котором они пресуществляются в Тело и Кровь Христовы. <...> Никакая ересь не выражает так открыто и нагло непомерной гордости своей, жестокого презрения к человекам и ненависти к ним».

Святитель Феофан Затворник: «Латинская церковь есть апостольского происхождения, но отступила от апостольских преданий и повредила. Главный ее грех — страсть ковать новые догматы. <...> Латиняне повредили и испортили Святую Веру, Святыми Апостолами преданную. <...> Верить по-латински <...> есть

Святитель Феофан Затворник: «Латинская церковь есть апостольского происхождения, но отступила от апостольских преданий и повредила. Главный ее грех — страсть ковать новые догматы. <...> Латиняне повредили и испортили Святую Веру, Святыми Апостолами преданную. <...> Верить по-латински <...> есть уклонение от Церкви, ересь».

уклонение от Церкви, ересь». Преподобный Иустин (Попович): «Христа оттеснили на Небо, а на Его место поставили “наместника” — папу; Богочеловека заменили человеком, а любовь — систематичес-

ким устранением, уничтожением всего, что не поклоняется папе, даже и через насильственный перевод в папскую веру и сжигание “грешников во славу кроткого и благого Господа Иисуса”». ☩